

Доктор
Юнна

Завидные женихи

Житийские истории

Житейские истории

Доктор Нонна

Завидные женихи (сборник)

«ЭКСМО»

2011

Нонна Д.

Завидные женихи (сборник) / Д. Нонна — «Эксмо»,
2011 — (Житейские истории)

«Перевелись настоящие мужики!». Такие реплики часто можно слышать из уст женщин, обиженных судьбой. «Не перевелись, – хочется ответить им, – просто вам не встретились!» Рите, Идочке и Лере повезло: женихи достались отменные. Но чтобы семья оказалась счастливой, важна не только встреча с хорошим человеком. Рита не сумела разделить со своим мужем тяжести испытаний, посланных судьбой: устранилась от борьбы за жизнь больной дочки. Иде не хватило мудрости в строительстве брака с Гришей. А Лера натворила такое, что перевернуло жизнь многих.

© Нонна Д., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Завидные женихи	5
Знакомство	7
Выпили...	11
Трепанги	13
Колбаса	15
Армия	17
Разъезд	18
Владимир	19
Гриша	21
Сашка	24
Новое амплуа	25
Переезд	28
Чужая семья	31
Крутой вираж	35
Конец идиллии	41
Прыжок	43
Причуды судьбы	47
Операция	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Доктор Нонна

Завидные женихи

*Огромное спасибо моему мужу, первому читателю и издателю
Мише за любовь и долготерпение.*

Завидные женихи

*Любовь и изжога – одно и то же!
Только любовь не лечится.*

М. Шнеерсон

Давняя дружба троих друзей началась в семидесятых годах двадцатого столетия в военном городке под Владивостоком. И было тогда Грише, Володе и Саше по двенадцать лет.

Жилищный вопрос в военном гарнизоне решался просто: приезжают молодые одинокие лейтенанты по месту службы – их распределяют в общагу и поселяют в комнату на две персоны. Если лейтенант приехал с семьей или пошел на повышение, то предоставляют отдельную комнату того же общежития. Однокомнатная квартира в холодной и сырой «хрущобе» полагалась либо прапорщикам, бессменно служащим в гарнизоне больше десяти лет, либо старшим офицерам. При очередной смене офицерского состава в подъезде одного из гарнизонных домов, ближайшем к Японскому морю и оттого наиболее холодном, оказалось три семейства.

Гришкина семья жила в этом доме уже седьмой год. Его отцу майору Сергею Ивановичу Степанцову не удавалось получить более комфортабельное жилье, как ни мечтала об этом его супруга Мария Леонидовна. Просто папаше было не до бытовых трудностей – он привык думать о вечном и возвышенном. Наедине с лучшими друзьями – граненым стаканом и бутылкой беленькой. Жена майора, бабенка, удивительно похожая на курицу – с маленькой головкой, словно прикрепленной к тучному телу худой и дряблой шеей, с пустыми, быстро бегающими глазками, близко поставленными к переносице, – с завидным упорством не желала признавать в муже алкоголика и постоянно закатывала скандалы. Припоминая в очередной ссоре все промахи и грешки, что велись за мужем с момента их знакомства, она, как хохлатка, клевала его и клевала. Гришка, привыкший к семейным разборкам, обычно прятался на чердаке, где соорудил себе штаб. Тихой сапой из ржавых кроватей он сделал стены, из двух чемоданов – диван, стол ему заменила катушка от кабеля. Старое солдатское одеяло было расстелено на столе подобно скатерти.

Семья Володи Михайлова переехала в дом совсем недавно. Отец мальчика, капитан-связист, привез семью из Омска. Жилищные условия там были столь ужасны, что, зайдя в холодную, сырую, заросшую грибком квартиру, Володька прыгал от счастья, что жить ему можно в отдельной от родителей комнате и пользоваться не общественной – на девять семей – уборной. Отец – Олег Васильевич – тут же отправился в туалет. А Володькина мама – Галина Моисеевна, женщина величавая, с высокой прической из жгуче-черных волос и низким грудным голосом, – прошествовала на кухню, где недовольно скривила губы: тараканы от ее появления брызнули во все стороны. Из-за стен было слышно, чем занимаются соседи. Из-под тонких щербатых дверей доносились чужие запахи. Галина Моисеевна устало присела на табурет, но тут же поднялась, потому что услышала, чем занимается ее муж, сидя на унитазе. Легко снеся с петель дверь, она вошла в тесное для нее помещение, выдрала из правой руки муженька бутылку водки, а из левой – классический граненый стакан. Предчувствуя, чем сейчас закон-

чится семейная разборка, и заранее жалея отца, Володька выскочил во двор в поисках турника или боксерской груши. Он всегда, когда не хотел наблюдать за скандалами родителей, сбегал сжигать адреналин на солдатскую спортивную площадку. Комплекцией парень был в маму – высокий и мощный, в отличие от субтильного отца.

А Сашку Бочкина родители «выписали» из Москвы. Все каникулы он проводил у своей бабушки Ольги Юрьевны в Первопрестольной. Константин Евгеньевич и Елена Станиславовна считали, что сыну и для здоровья полезнее более сухой климат средней полосы, и для развития лучше культурная среда столицы. Свою тещу, полковника полевой хирургии госпиталя имени Бурденко, Константин Евгеньевич побаивался. Все-таки он всего лишь майор медицинских войск! Поэтому не перечил, когда бабка оставляла на одну-две четверти Сашку при себе. Но периодически ворчал, что его сыну негоже получать «старушечье» образование. Когда Сашка стал подростком, Константин Евгеньевич решил, что мальчику необходима твердая отцовская рука, и решился воспротивиться власти Ольги Юрьевны.

– У вас в городах сейчас по тридцать пять человек в классе, а у нас по семь-восемь. Каждого ученика спрашивают ежедневно на всех уроках, и вообще дети в гарнизоне постоянно на глазах.

Елена Станиславовна поддерживала мужа. Обиженная с детства на невнимание вечно занятой матери, она полностью погрузилась в свою любовь к супругу, и муж стал для нее центром мира. Сашку мать тоже любила, но как-то по обязанности...

Знакомство

По пятницам мать Гриши пекла пироги. Это была самая экономная еда, разнообразившая рацион офицерской столовой. В тот день суетливая Мария Леонидовна, помимо большого, на весь противень, пирога, испекла двадцать пирожков. Начинкой стала любимая во Владике рыба нерка. Лососевый аромат пирожков перебивал все другие запахи и делал уютнее скудный быт обитателей подъезда.

Гришка сидел тут же, на кухне. Он дочисал картошку и посматривал на мать. Дождавшись, когда она переложит пирожки на большую тарелку, мальчишка вскочил и покидал их штук пять в приготовленный газетный кулек.

– Ма, я на улицу, насчет удочек пойду договорюсь.

– Катись куда хочешь, – прокудахтала мать. – Два горе-мужика. Никакого с вас толку! Что отец ни доску, ни пакет крупы в дом не принесет, хотя заведует складами, что ты – никакой стоящей рыбешки не притащишь.

Не обращая внимания на вечно недовольную мать, Гришка выскочил из квартиры на лестничную клетку и полез по железной лестнице на чердак. Упитанному мальчугану она была узка, поэтому он вымазался в побелке.

В августе, казалось бы, должно быть еще тепло, тем более во Владивостоке, расположенном на одной параллели с Сочи, Торонто, Ниццей и Сухуми, ан нет, с Японского моря постоянно дул холодный ветер, а с неба сочился нудный дождик. Настроение от этого не улучшалось. По радио «Маяк» передавали то бравурные патриотические песни, то классическую музыку. И это однообразие усиливало тоску Сашки. В квартире Бочкиных от духоты запотели окна: мать шпатлевала стены третьим слоем. Было душно и першило в горле. Сашка провел рукой по окну и посмотрел сквозь образовавшийся подтек на промокших солдат, занимающихся на дальнем плацу строевой подготовкой. И тут взгляд его привлек долговязый паренек, крутящий «солнышко» на дворежном турнике. Саша открыл форточку. Тут же в кухню влетела мать.

– Сашок, да что же ты делаешь? На улице такая мокрень, а ты окно открываешь – штукатурка кусками посыплется!

– Ма-а, – сын поправил очки на переносице. – Пойду я воздухом подышу. А то голова кружится.

– Правильно, – легко согласилась Елена. – Иди, подтянись пару раз на турнике, а то уткнешься в свои книжки и света белого не видишь.

Через пять минут Сашка стоял на спортивной площадке и не то с легкой завистью, не то с пренебрежением смотрел, как парень на голову его выше и шире в плечах ловко подтягивался и нарочно напрягал мускулы.

Соскочив на землю, мальчишка с сочувствием посмотрел на Сашку. Тот мог достать до перекладины только в прыжке.

– Помочь?

– Не надо. – Сашка обиженно отвернулся. – Меня отец тренирует, когда свободен.

– А чего же ты тут делаешь? – с подколкой спросил Володя. – По грибы собрался?

Незнакомый парень говорил надменно, и Сашка отвернулся.

– Не смешно.

Развернувшись, Сашка пошел к дому. Нюхать сырую штукатурку не хотелось, и он размышлял, чего бы такого придумать интересного. И тут, подняв глаза, он увидел в чердачном окошке, похожем на амбразуру, тусклый огонек электрической лампочки.

«Если лампочка горит в том месте, где им вообще гореть не положено, значит, там есть помещение, где сидит человек, – логически рассудил он. – И я никогда не был на чердаке. Мой папа – майор, и меня ругать не будут», – сам себя настроил мальчишка и двинулся вперед.

Проследив за взглядом мелкого очкастого пацана, Володька увидел на чердаке своего подъезда свет.

– О! Там кто-то обитает, а я не знаю? – У Володьки проснулся исследовательский интерес. – Надо туда залезть и поглядеть.

Второй раз Сашка и Володька встретились у узкой железной лестницы, поднимающейся с пятого этажа на чердак. Карабкающийся по ней пацанчик в очках на переносице смотрелся комично, и подошедший здоровяк Володька хмыкнул, подтолкнув Сашку под попу.

– Лезешь? Давай-давай. А куда?

Зацепившись руками за верхние ступени и балансируя ногами на нижних, Сашка попытался принять героическую позу. При этом говорил громко и отчетливо.

– Меня заинтересовала единственная лампочка на всех чердаках здешних пятиэтажек. Я хочу посмотреть и сделать выводы.

– Здешних? Ну и словечко. Ты че, такой грамотный, заморыш?

– Я не заморыш. Просто невысокий и не такой физически сильный, как ты. Но я вырасту.

Забравшись обезьянкой на чердак, Сашка захлопнул под собой люк-дверцу и сверху задвинул на нее лежащую рядом автомобильную покрышку.

Жующий свой пирожок и читающий старый журнал Гришка с интересом наблюдал за копошением мелкого пацана.

Для утяжеления веса Сашка сел на покрышку и целую минуту подпрыгивал на ней, пытаясь сдерживать силушку стремящегося наверх Володьки.

Последний тычок сильного подростка заставил Сашку отлететь в сторону и грохнуться об пол, застеленный старым рубероидом, ватными одеялами и медицинской клеенкой.

– Слышь, заморыш! – ревел Вовка, по пояс появившийся в квадрате входа. – Я щас тебе глаз на жопу натяну!

– Выбирай выражения, придурок! – кричал Сашка, кидая в Вовку то обрывок клеенки, то дырявый валенок. – Накачал мышцы и, думаешь, умным стал?

Володька выскочил на чердак чертом из табакерки.

– Сам дурак, мелочь очкастая!

– Ой, я так испугался! – Швырнув изношенный солдатский сапог в Володьку, Сашка отполз в сторону стоящих на боку каркасов старых кроватей.

Вовка нащупал под рукой ножку от старого стула.

– Я щас тебе устрою, москвич недоделанный. Думаешь, не знаем, откуда тебя мамка с папкой с поезда встречали?

– А ты, а ты... – Сашка задохнулся от возмущения. – Ты – «сила есть, ума не надо».

– Я «ума не надо»? – Вовка отряхнул свои брюки от пыли. – Слышь, ты, очкарик, в попе шарик, я не дурак, я лучше всех в своем классе учусь!

– А это мы еще посмотрим, кто лучше учится! – дал петуха Сашка.

Сидя на своем диване из чемоданов, Гриша отложил ставший неинтересным журнал и принялся разглядывать двоих новых соседей.

– Ребята, а хотите пирожков с неркой?

– Чего? – отвлекся от созерцания «врага» Володька. – Очень жрать хочу.

– Я тоже, – пропищал Сашка. – А то мама все ремонтом занимается, про обед забыла, в столовую гонит. А там совсем не вкусно.

– Зажрались, – высказал свое мнение словами матери Володька. – Где там твои пирожки, пирожок толстый?

Широким шагом Володька подошел к столу, освещенному нависающей над ним лампочкой. На газетке лежали четыре пирога. Взяв один, парень откусил и закатил глаза, показывая удовольствие.

– Вкуснота-то какая! – Он протянул руку «Пирожку». – Владимир.

– Гриша. – Мальчишка приподнялся и пожал руку. – А ты кто? – обратился он к хилому пацаненку в очках.

Поднявшийся с пола Сашка подошел и сначала протянул руку для знакомства, а потом за пирожком.

– Александр. Саша Бочкин. Гриша, а чем тут ребята по вечерам занимаются?

– Как чем? – удивился Гриша и кивнул в сторону тусклого окошка. – Осенью рыбу ловим, зимой на коньках катаемся и в кружках занимаемся. Выпиливаем, выжигаем, в теплицах рыбкомбината помогаем. Но там работы мало, там свои, комбинатовские, рулят и нас, гарнизонных, гоняют.

– Это мы еще посмотрим. – пробурчал Вовка. – А как же тут рыбу ловить? Не речка, на бережку не отсидишься.

– С пирса, ребята, с заброшенного пирса. Завтра океан будет спокойней, и все пойдут туда. Только нужно напяхтериться теплее и корзину для рыбы взять. А главное, тута удочки нужно наращивать, я свои к палкам от швабры привязываю и проволокой прикручиваю. Завтра научу.

– Нелогично. – Жадно жуя пирожок, Саша поправил очки. – Очень вкусно. Нелогично. Если рядом есть рыбсовхоз, значит, есть недорогая рыба. Зачем ловить свою?

Гришка и Вовка уставились на Сашку.

– Ты чего, рыбачить не любишь или лишние деньги в кармане водятся? – с напряжением в голосе поинтересовался Вовка.

– Я... – Сашка покраснел. – Никогда рыбу не ловил. А завтра обязательно? А то у меня удочек нет.

– Завтра обязательно, – сурово сказал Гришка. – Каждый день на учете. А удочку мы тебе спворим. У батяни их аж пять штук.

– А нам прежние хозяева эти удочки-переростки оставили. Три штуки на балконе торчат. – Не замечая несправедливости со своей стороны, Володя взял еще один пирожок с газеты. – Только чего спешить? Рыба, она завсегда там и никуда не денется.

– Нет, Вовка. – Григорий взял последний пирожок, разломил и протянул половину Сашке. – Это она сейчас тама, а через два месяца море встанет, и никакой свежей рыбы ты до весны не споймаешь.

– Как это «встанет»? – не понял Володя.

– Замерзнет, – пояснил Сашка. – Климат здесь муссонный, Амурские и Курильские заливы во льду с ноября по апрель. Я специально в учебнике по географии посмотрел. Хотя город стоит гораздо южнее Москвы и Ленинграда, примерно на параллели с Флоренцией.

Гриша и Володька уставились на Сашку с уважением.

Так трое ребят, разные по комплекции, по уровню образования и отношению к жизни, стали друзьями. Они учились в одном классе, вместе удили рыбу и дрались с ребятами из поселка Рыбсовхоза.

Семьи друзей разительно отличались друг от друга. Если в квартире майора медицинской службы Бочкина было тепло и уютно, то в бетонных клетках капитана Михайлова, отца Володьки, и майора Степанцова ветер зимой проникал сквозь хлипкие, неутепленные стены и температура дома была не выше плюс шестнадцати, даже с обогревателем.

Во всех квартирах гарнизона, без исключения, зимою женщины завешивали окна в детских комнатах ватными одеялами, и детям казалось, что растут они в шалаше.

Учителя в школе не могли нарадоваться на троих друзей – они учились лучше всех. Сашка, самый худенький мальчик в классе, с голубыми добрыми глазами, прятавшимися за стеклами круглых очочков, с русыми выющимися волосами, был похож на ангелочка, но обладал железным характером. Друзья, для начала поспорив, всегда делали так, как он советовал. Володя, здоровый, крепкий паренек, был физически самым сильным. Черноглазый брюнет, он был мечтою всех девчонок в классе. В драках он всегда побеждал, защищая своих корешей. А Гриша, веселый кудрявый увалень, стал душой компании. Он всегда смеялся, придумывал игры и подколки. Еще он очень любил поесть и в школу брал пирожки. Иногда друзья съедали их прямо по дороге, не снимая варежек, которые полностью пропитывались подсолнечным маслом.

Выпили...

Закрепил дружбу ребят неприятный случай. Им было по тринадцать лет, когда пацаны решили попробовать выпить.

Гарнизон, как и вся страна, отмечая Новый год, начал гулять еще тридцатого декабря. Тридцать первого женщины разобрали своих офицеров по домам и готовили праздничные ужины.

Праздновали шумно: ходили друг к другу в гости, запускали вместо петард сигнальные ракеты, закидывали в подъезды дымовые шашки.

Первого января все поголовно спали либо в своих постелях, либо на ковриках в прихожих у друзей. Женщины вяло занимались хозяйством: перемывали посуду, выносили горы пустых бутылок на помойку. Мужья им были не подмога. Повезло только военврачу Бочкину: к нему на Новый год прилетела теща Ольга Юрьевна. Она-то и помогала дочери по хозяйству.

Три пацана маялись бездельем и завидовали взрослым. Сидя в военных телогрейках на чердаке, они допивали початую бутылку «плодово-выгодного» вина за тридцать две копейки.

Окошки на чердаке они забили фанерой и цветастыми платками, люки утеплили старыми одеялами, но все равно было холодно. Ледяной ветер с моря выл, проникая в щели, стены покрывались инеем. Ребята сидели в валенках и грели стаканы через рукавицы.

– Папа спрятал на кухне бутылку водки, – поделился Сашка.

– А у нас все попили, – невесело сверкнул черными очами Вовка. – Отец ушел к твоим, Сашок, и мать стесняется за ним идти.

– Мои опять поругались, и мама выгнала отца. Батя у тебя, Сашка, я видел, спит. – Гришаня допил стакан с бормотухой. – Гадость какая!

– Да, невкусно. Поэтому предлагаю попробовать что покрепче. – Саша засунул руку внутрь своего ватника, великоватому ему на десять размеров, и выставил на стол бутылку. – Я ее украл. Скорее всего, папа о ней забыл. Будем?

– Немедля! – Пока друзья не передумали, Гриша перехватил бутылку, свернул пробку и разлил всем по полстакана.

Последствия проявились через пять минут и были печальными: Сашка потерял сознание, Гришку скрючило и затрясло судорогами, Володю вывернуло наизнанку. Сидя на самодельном диване, держась за живот, боль в котором продолжала нарастать, он понял, что, если сейчас не придумает, как оказать помощь друзьям, они останутся здесь навсегда, замерзнув.

Шатаясь, Вовка спустился на третий этаж и, ввалившись в незапертую квартиру Бочкиных, упал на колени в прихожей. На шум выбежала Ольга Юрьевна.

– Там ребята... на чердаке... погибаются... помогите...

И парень потерял сознание.

Медик от бога, Ольга Юрьевна не потеряла ни секунды. Первым делом она набрала в ковшик холодной воды и окатила ею спящих дочь и зятя, а также двоих его друзей – отцов Гриши и Володи. Полковник медицины командовала:

– Дети умирают, мужики! Приходите в себя! – И поспешила на кухню, где развела в ведре с водой марганцовку.

Первой вскочила Лена, растормошила мужа и нахлопала по щекам остальным папашам.

Ольга Юрьевна в это время приводила в себя Вовку, заставляя его пить воду с тремя каплями нашатыря на стакан. Вовку выворачивало прямо на линолеум.

– Мальчик, милый, – нервно обращалась к Володе военврач, – ты скажи, чего такого вы пили? От чего спасать?

– Водки... – Володю продолжало рвать. – Сашок нашел у Константина Евгеньевича бутылку водки, мы выпили...

Теща посмотрела на подошедшего зятя так, что ему захотелось провалиться. Треклятая бутылка была принесена из солдатской казармы, где позавчера было зафиксировано отравление четырех бойцов. Солдаты признались, что с рук купили три бутылки водки для празднования Нового года. Но не утерпели – выпили две бутылки на четверых тридцатого. Завидующий им сослуживец заглянул в каптерку в надежде присоединиться к питию, но нашел не веселое застолье, а корчащихся от рвоты бойцов. Он тут же позвонил в медпункт.

Бутылку, как доказательство «паленого» производства, майор Бочкин забрал на экспертизу. Когда он принес ее домой, теща выразила неудовольствие.

– Не стоит держать в доме эту гадость. Надо было оставить в части.

– Так найдут, Ольга Юрьевна. – Константин Евгеньевич поставил бутылку в кухонный шкаф. – Найдут и выпьют. Не удержатся. Я спирт подкрашиваю марганцовкой, бутылку ставлю в холодильник к другим медикаментам на самое видное место, и то эту гадость отливают и разбавляют. А тут бутылка! Да на ней хоть «яд» напиши, все равно к утру будет наполовину разбавленной.

– Отцы, бегите детей спасать! Ленка, оденься теплее, возьми побольше тряпок полы от блевотины замывать. Костя, прихвати ведро с водой, я его на чердак не втащу.

Парней Ольга Юрьевна спасла, отпоила своим фирменным похмельным «коктейлем» прямо там, на чердаке.

Папаши разобрали сыновей по домам и даже не наказывали, понимая, насколько тем плохо.

Утром у мальчишек болела голова. Галина Моисеевна и Мария Леонидовна то и дело бегали к Ольге Юрьевне за советами, как вывести из запоя мужей и привести в чувство мучающихся сыновей.

Хуже всех было нежному Саше.

– Бабуль, у меня внутри все горит, – жалобно плакал мальчик.

– Это, мой дорогой, изжога. Некачественный спирт сжег слизистую желудочно-кишечного тракта. Выделяется кислота, как реакция... – бабушка увлеклась лекцией, отпаивая парня крепким бульоном.

Болели ребята целую неделю. Питались только травяными отварами и мясными бульонами. Так что те зимние каникулы мальчишки запомнили на всю жизнь.

После этого случая, когда у ребят были какие-то неприятности, в ответ на вопрос: «Как дела?» – всегда звучало: «Сплошная изжога!» Это выражение стало паролем.

Трепанги

Случай с ловлей трепангов наделал много шума в гарнизоне. Нежное мясо медлительных животных, называемых здесь «морскими огурцами», ценили все. Похожие на огромных рогатых гусениц трепанги медленно передвигались меж камней бухты Золотого Рога. Ловить этих морских кубышек было очень легко. Главное, найти место их скопления, а после только нырять да собирать в корзину.

Охотились за ними не коллективом, как бывало при рыбалке, а по два-три человека, чтобы не было конкуренции.

В тот день мать отправила Гришку в очередь за сахаром, и он простоял в магазине до самого вечера. Поэтому за трепангами Вовка и Сашок отправились вдвоем. Долго плыли между островами, проверяя все прошлые места, где ползали «гусеницы». Искали долго, но все-таки нашли сборище морских животных. Сашка плавал плохо, и вся надежда была на Вовку, который мог нырять глубоко и долго обходиться без воздуха.

Понимая, насколько друг физически силен, Сашка все же настоял, чтобы Володька обвязался веревкой, сам он тоже всегда страховался.

Островочек, около которого пришвартовали лодку, одолженную со склада Гришкиного отца, отличался «дырявостью». Суши как таковой не было: из моря торчали скалы от полуметра до трех, на них росли редкая трава и деревья, непонятно как прицепившиеся к каменистым породам.

После десятка нырков, когда сбилось дыхание и начала кружиться голова, ребята решили немного передохнуть. Сашка переключал трепангов со дна лодки в корзины, а Вовка лег на воду рядом с лодкой и, не шевелясь, наслаждался солнцем.

Мальчишки не обратили внимания на легкое волнение моря, на усиливающийся ветер. Небольшая сосенка, из последних сил держащаяся за верхушку скалы, от очередного порыва ветра потеряла последние силы, и ее корни оторвались. Падая в море, деревце сбilo несколько камней, и они покатались вниз, прямо на Володю. Захлебываясь, Володя попытался выплыть, но пришла высокая волна, полностью накрыла парня, и он стал тонуть.

От ужаса Сашка сначала растерялся, а затем стал тянуть за страховочную веревку, намазывая ее на уключину весла. Вовку удалось вытащить из потемневшей воды, но он был без сознания.

Спрыгнув за борт, Сашка напрягся и подтащил друга к лодке. Труднее всего оказалось перевалить тело Вовки за борт утлой посудины. Хлипкому парнишке это все-таки удалось, пусть и с третьего раза. При этом он ободрался о камни, поранил локоть правой руки. Минут пять он, не обращая внимания на кровь, сочащуюся из ран, приводил в себя Вовку, и тот наконец отрыгнул воду. Он долго рассматривал свой оцарапанный живот, потом в молчании перевел свой взгляд на разводы грязи и крови на Сашке.

– Не понял, как это меня угораздило?

– Камень тебя по башке шарахнул. – Сашка тер больную руку. – Грести будешь сам, я не смогу. Ну и здоровый же ты, я все жилы себе вытянул, пока тебя втащил в лодку.

Мама Володи, узнав о происшедшем, зашла в медсанчасть, застала там пьющую чай Елену Станиславовну и всучила ей французские духи.

– Это тебе, Лена, за Сашку! Хорошего парня воспитала.

– Не поняла. – Лена автоматически взяла в руки подаренную коробочку. – А что случилось?

В этот момент открылась дверь, и Володя подтолкнул через порог своего спасителя. Сашка держался за перебинтованный Галиной Моисеевной локоть – кровь не унималась. Елена

Станиславовна от неожиданности закричала: «Костя, Костя, беги скорее! Наш сын заливается кровью!» Отец тут же появился в пролете соседней двери. Быстро обработал раны и стал накладывать повязку.

Пять килограммов выловленных трепангов три семьи ели всю неделю. А о мужестве мелкого Сашки говорили целый год. Володька тогда поклялся, что всю жизнь будет помнить о самоотверженном поступке друга. И если у него когда-нибудь родится сын, то он обязательно назовет его в честь своего спасителя.

Колбаса

Из семей троих друзей семья Гришки была самая бедная. Отец пил не просыхая, чаще не дома, а в одном из своих складов. В армии, как ни странно, Сергея Ивановича Степанцова терпели. К работе он относился ревностно, обеспечивая военную часть формой и продуктами. Практически не воровал. Если не хватало на выпивку, тащил что-нибудь из дома или клянчил спирт у Константина Бочкина, который почти никогда не отказывал соседу, ценя в нем честность и оперативность в решении бытовых проблем медсанчасти гарнизона.

Одетый в отцовские обноски, Гришка стыдился приходить на дни рождения или «огоньки» в школе, где приходилось раздеваться. У многих старшеклассников уже имелись костюмы и даже модные свитера и джинсы.

А еще Гришка обожал сырокопченую колбасу. Ему, родившемуся во Владивостоке, набили оскомину рыба, икра и даже крабы. Колбасу парень попробовал случайно, на дне рождения у отца Сашки.

Однажды Гришке мать поручила доставить запившего отца домой со склада. Паренек зашел в складское помещение и неожиданно унюхал копченую колбасу. Этого дефицитного продукта было несколько сортов, но слюни у парня потекли только от сырокопченой. В коробке оказалось двадцать тонких сухих темных батонов с выпуклыми жиринками. Аромат перебил угрызения совести Гришки, и он решил не беспокоить отца, а прихватить с собою десять колбасных палок.

Первый батон Гришка съел тут же, откусывая крепкими зубами жесткое мясо, и почти урчал от удовольствия. Мысль о том, чтобы положить остальную колбасу обратно, спугнул кто-то вошедший на склад. Зная, где второй выход, Гриша быстро убежал к себе, на чердак.

Там его и нашел Володя. Первым делом он надкусил колбасу, затем достал из-за пазухи полбатона белого хлеба и половину отломил для Гришки.

- Откуда богатство? – жуя, поинтересовался он.
- Спер, – кратко объяснил Гриша. – Теперь переживаю.
- Переживаю, – засмеялся Володя. – На тряпки менять будешь или сам сожрешь?
- Не, все не осилю! На тряпки. Джинсы хочу и кожаную жилетку.
- Это я могу устроить, – обнадежил Вовка. – У отца тетка Шура недавно из-за границы получила посылку и распродает. А где Сашок?
- На факультативе, язык зубрит. Не то немецкий, не то английский.
- Молодца. Ты ему полбатона оставь.
- Обязательно.

Через день Гришка щеголял по поселку в джинсах и свитере, на жилетку денег не хватило. Увидев на друге модную одежду, Сашок побледнел.

– Откуда?

Краснея и заикаясь, Гришка и Володя честно рассказали о «гешефте».

– Но никто ничего не узнает, – наивно заверил Володька.

– Идиоты. Гришка, тебе жизнь надоела?

Их разговор прервал тихо подошедший Сергей Иванович. Подхватив сына, он стащил его по лестнице и пинками погнал до квартиры. Обновки испачкались о побелку.

Жили Степанцовы на первом этаже, и Сашка с Володей, немного подождав, спустились с чердака вниз.

Из-за двери доносились глухие удары, стоны Гришки и причитания отца:

– Чтобы я хоть валенок со склада украл! Опозорил на весь гарнизон! Тебя убить надо!

– Он его точно убьет, – прошептал Сашка в сторону Володьки. – Значит, так, беги к своему отцу на пункт связи и уговаривай тетку Шуру сменить свои показания. Отцу я сейчас позвоню сам, вызову его или маму и сразу буду ломиться к Степанцовым.

Гришку они спасли, оттащили от пьяного отца. У парня оказались сломанными два ребра, по лицу и голове были множественные гематомы, вывихнуто правое плечо и отбита задница. Если бы не действия родителей Сашки и Володи, пьяный капитан вполне мог забить пацана до смерти.

Мария Леонидовна выгнала мужа жить в казарму. Она никак не могла понять, что же стало причиной свирепости мужа. Несколько раз спрашивала друзей, из-за чего чуть не был убит Гришка.

– Значит, так, – вдохновенно врал Сашка, как всегда продумав все детали оправдательной речи. – На складе у Сергея Ивановича пропала сырокопченая колбаса. А мне как раз на прошлой неделе бабушка прислали из Москвы посылку с одеждой. Мне джинсы велики на три размера, как раз на Гришку, я ему и подарил. У него ведь через неделю день рождения? Да, Мария Леонидовна? – Дождавшись кивка женщины, Сашок продолжил: – А сотрудница отца Володьки, тетя Шура, привезла свитера. Володя взял себе один, он деньги с завтраков копил. А свитер оказался ему мал. Он тоже подарил его Гришке. На день рождения.

Мало разбирающаяся в фирмах и лейблах, Мария слушала ребят, плача от счастья. Она поверила им безоговорочно.

– Спасибо, ребята. Буду подавать на развод.

Не ожидая настолько кардинального решения семейной проблемы, оба пацана начали убеждать, что дядю Сережу тоже можно понять: колбасу-то со склада украли, а тут обновки у сына, вот он и подумал на Гришку. А отец всегда в доме нужен. Не стоит разводиться из-за недоразумения!

Через неделю после того, как Гриша отлежался, друзья встретились на чердаке.

– Отец поверил? – в третий раз уточнил Сашка.

– Теперь вроде бы да, а в первые дни грозился убить. Мать его приструнила. Сказала, что домой не пустит, если еще раз руку поднимет. А куда ему деваться? Скоро зима, по складам не побегаешь.

– Логично, – согласился Сашка.

– А ведь он нам с тобою по разу жизнь спас, – серьезно заметил Вовка. – Мы теперь по жизни перед ним в долгу.

– Ерунда. – Сашка взял со стола пирожок от Леонидовны, надкусил его. – Вы бы так же поступили.

– Это, конечно, так. – Вовка тоже взял пирожок. – Но на море мне тебя спасти было бы легче, а вот организовать алиби для Гришки – до этого я бы не додумался...

Всегда приходили друг другу на помощь ребята, выручали из дряг и потасовок.

Армия

Школьные годы пролетели быстро. В 1977 году пошли в армию. Служили во Владивостоке, но в разных родах войск.

Хуже всех было Саше – он был по жизни «не от мира сего». Витал в мечтах, читал, строил планы, и проблемы сооружения очередной генеральской дачи или коптильного цеха рыбсовхоза его не волновали. Призывная комиссия не особо разглядывала его аттестат и анкету, где было указано не только то, что он получил серебряную медаль, но еще знает три иностранных языка, включая китайский, оценила его физические данные как слабенькие. Поэтому отправила его в стройбат.

«Пирожку» Григорию было легче. Служа в ракетных войсках, он похудел и стал очень интересным юношей. Девочки млели, видя Гришу.

Но больше всех производил впечатление Владимир. Он вымахал под два метра, разворот его плеч и мускулатура впечатляли слабый пол и вызывали зависть у сильного. Служил он в морской пехоте. При любом удобном случае сбегал не домой к выпивающему отцу и уставшей от тяжелой жизни матери, а к друзьям. То в казарму к Сашку, который организовал обмен неучтенной копченой рыбы на продукты питания, водку и папиросы. То ехал в гарнизон к Грише, где ракетчики старательно экономили спирт, выделяемый для аппаратуры, и регулярно его пропивали.

Для компании Володя был кладом. Он, в отличие от Сашки и Гриши, так и не стал ни пить, ни курить.

Разъезд

В 1980 году ребятам исполнился двадцать один год.

Саша уехал учиться в Москву. С детства насмотревшись на работу отца и бабушки, он не захотел стать врачом и поступил в Институт иностранных языков.

Гришина мама, Мария Леонидовна, решила, что достойна большего, чем жить с пьяницей завхозом, хоть и военным. Она сама подала на развод и уехала вместе с сыном на свою родину в Минск. Там у нее жили мать и две сварливые сестрицы. Гришка не сопротивлялся – ему давно хотелось посмотреть на мир, а тут выпала такая возможность. В столице Белоруссии и с выбором образования, думал он, будет интереснее.

В семье Михайловых тоже произошли изменения. Галина Моисеевна решила, что пора Володьку, на которого засматривались даже ее ровесницы-подружки, женить. Выбором невесты занялась сама. Нашла-таки во Владивостоке еврейскую семью с дочкой на выданье. Девушку звали Ритой, а дома – Ривкой. Тоненькая, гибкая, невысокая – все в ней было миниатюрным и словно игрушечным. Надменно приподнятые брови, горделиво вздернутый подбородок вкупе с огромной гривой блестящих волос словно компенсировали ее хрупкость. Большие черные глаза сверкали из-под густой челки насмешливо и вызывающе. Разборчивая Ривка, знакомясь с Михайловыми, сначала внимательно оглядела самого Володю, смерила взглядом маму и особенно заострила свой взор на отце, Олеге Васильевиче. Несмотря на то что даже на смотрины он явился слегка подвыпившим, мужчина он был привлекательный. Значит, и Владимир с возрастом не потускнеет.

– Я согласна, – заявила Ривка, хотя предложения ей пока никто не делал.

Вовка против выбора матери не возражал. Видимо, сказывалась усталость от беспрерывных отцовских пьянок, от безнадёги, связанной с тем, что папашу больше не повышали, от раздраженности матери, стыдящейся своей неудачной судьбы. Да и девушка была симпатична, вызывала интерес.

Через месяц состоялась свадьба, а через полгода Володя и Ривка улетели в Штаты вместе с семьей жены.

Ни на свадьбе, ни на проводах не было ни Гриши, ни Сашки. Лететь во Владик из Минска или Москвы было дорого и долго. Оба друга прислали поздравления.

В памяти троих друзей осталось детство: Тихий океан, накатывающий свои серые волны, потасовки со сверстниками, рыбалка и ловля трепангов, заигрывания с девочками, нелепая армия, полный моряков Владивосток и первая в жизни изжога.

Владимир

Крепкий и здоровый Володя ничего не боялся. Но неожиданно эмиграция стала для него тяжелым испытанием. Большой проблемой в первые дни было то, что приходилось жить в одной квартире с родителями Ривки. Через месяц им всем повезло – тестя по знакомству взяли на работу в крупный отель Нью-Йорка. Вместе с женой и тещей он переехал поближе к работе.

В Штатах Володе нравилось изобилие. В то время, как в Союзе дефицитом было абсолютно все, в Америке ничего не нужно было доставать – все лежало на прилавках и словно просилось тебе в руки. Но и доступность всего и вся быстро приелась. Катастрофой для эмигрантской семьи стало открытие Ривкой такого явления, как распродажа. Молодой женщине нравилось все, что стоило в пределах пяти долларов. Постепенно квартира, которую снимали супруги, превратилась в склад ненужных вещей. Для Володи неприятностью стали обеды в фастфудах – американская жирная еда вызывала у него изжогу. Он терпеть не мог «Макдоналдс», пиццу и китайскую жареную рыбу в пакетах. Но другой альтернативы у него не было – Ривка терпеть не могла готовить. Работать Володя смог устроиться только таксистом, и то по знакомству. Для него потекли одинаковые дни и ночи, заполненные работой, невкусной едой, непонятными телепередачами. Ривка и Володя никогда не скандалили, поэтому им не приходилось мириться бессонными ночами. Сказывался маленький опыт семейной жизни, сложившийся у них без стадии влюбленности и сексуального притяжения.

Поразмыслив о том, что быть таксистом всю жизнь – не предел его мечтаний, подсчитав отложенные на черный день деньги, Вовка принял решение пойти учиться на заочный факультет финансового колледжа. Кинулся в учебу с головой. С учебниками не расставался. В перерывах между рейсами, в выходные дни он вгрызался в науку так, словно только от нее зависит его жизнь.

По выходным он бегал по берегу океана, подставляя лицо морскому ветру, и чувствовал себя пятнадцатилетним мальчишкой. Зимой ему особенно остро хотелось к Тихому океану, в бесшабашный Владивосток. Он безумно тосковал по общению со своими друзьями.

Новость, что Ривка беременна, сломала ритм торопливой жизни. Володя безумно обрадовался. Он надеялся, что с рождением ребенка отношения с женой станут более близкими, душевными. Вовка решил, что он станет примером для своего сына. В том, что родится сын, он не сомневался. Вид Ривки, считающей калории своего рациона и дни беременности, выводил Владимира из себя. «Радоваться нужно этому времени», – говорил жене супруг. Но Ривке было не до радости. Для нее девять месяцев беременности длились как вечность. Она все время себя плохо чувствовала. Сначала был токсикоз, потом почечная недостаточность. Мать Ривки приезжала в Бруклин каждый день, чтобы поддержать дочь и прочитать нотацию зятю, мол, не слишком ли он расточителен, получая образование. Вовка за пять минут до ее визита чувствовал в желудке изжогу и тут же сбежал из дома.

Когда у Ривки отошли воды, Вовка сидел за рулем своего такси. На счастье, не было пассажиров, и он сорвался домой. Примчался из Манхэттена за сорок минут, нарушая все правила дорожного движения. Влетел домой и с порога крикнул:

– Как дела, Рива? Ты доктору позвонила?

– Да! – Жена сидела в маленькой гостиной на стуле, широко расставив ноги. – Он уже едет в клинику. Схватки еще не начались.

– Поехали, Ривка, поехали!

– Я уже готова, – жена была удивительно спокойна.

Доехали быстро. Ривку сразу подняли в родильное отделение. Володя остался ждать известий в машине и заснул. Через два часа он открыл глаза и долго не мог сообразить, где нахо-

дится. Затем вспомнил, что ждет рождения своего сына. Выскочив из машины, зашел в регистратуру родильного отделения.

– Что с Ривкой Михайловой? – Боясь, что не так произнесет имя жены, положил перед девушкой-медичкой листок с английским текстом.

– Рожает. Все хорошо, – равнодушно ответила девушка. – Когда роды завершатся, вас позовут.

– Отлично, – Володя измученно улыбнулся. – Я сижу в такси, за углом клиники, где у вас автомобильная стоянка.

Через четыре часа в окошко «Форда» постучала медсестра.

– Пойдемте быстрее, у вас проблемы.

В секунду Володю сковало плохое предчувствие, отозвавшееся болью в желудке. Ощущая приступ изжоги, он пошел за медсестричкой, так похожей на русскую. В ординаторской Володя вглядывался в лицо пожилого доктора, ловя каждое слово.

– Девочка очень слабенькая. Двойное обвитие пуповиной. Родилась с асфиксией.

Несмотря на то что врач, найденный предусмотрительной тещей, говорил по-русски, Володя ничего не понимал.

– Что это значит?

– Пока не ясно, Владимир. Могут быть осложнения. Будьте готовы.

Дочку называли Дорой.

Через неделю стало понятно, что девочка больна. Диагноз – детский церебральный паралич. Даже через полгода она не сидела, не брала игрушки. Сильное косоглазие создавало впечатление, что ребенок смотрит сразу на двоих.

Началось хождение по детским клиникам. Ни один врач не обнадеживал, хотя деньги за обследования и анализы брались исправно.

Средств на лечение не хватало. Родители Ривки продали почти все вывезенное золото и пару антикварных статуэток. Жене пришлось выйти на работу на полставки, по ночам она вставала за прилавком в мини-маркете. Володя решил приостановить свою учебу в колледже.

При очередном посещении детской клиники несчастных родителей встретила русская массажистка. Час ее работы стоил столько, сколько Володя зарабатывал за день. Осматривая ребенка и делая осторожные упражнения, она сказала:

– Только правильный массаж и постоянное внимание могут помочь вашей девочке.

Гриша

Гриша с детского сада слышал от всех знакомых и особенно от отца, что у его матери сложный характер, а точнее – склочный. Он думал, что если мама разведется с пьяницей-отцом и вернется в Минск, то среди родных она перестанет скандалить и будет больше обращать внимания на единственного сына.

Все оказалось не так. Оказывается, в свое время мама сбежала из Белоруссии, выскочив замуж за отца, чтобы не жить с родными. Родные сестры, вынужденные жить с нею в квартире со смежными комнатами, до слез были рады отъезду Марии.

Приезд ее с сыном восторга ни у кого не вызвал, Мария Леонидовна с Гришей стали жить на холодной даче под Минском. За три недели пребывания в дачном поселке мать успела перессориться со всеми соседками: из-за громко лающей собаки; из-за неправильно построенного гаража, на двадцать сантиметров захватившего ее участок; из-за высокой крыши соседнего дома, загораживающего матери солнце. Днем на даче было невыносимо: Мария Леонидовна нашла надомную работу и вязала на трещащей вязальной машине спортивные шапки. Вязала с азартом, по двадцать штук в день. Ни с вопросом обратиться, ни обеда попросить. Возможно, так немолодая женщина пыталась преодолеть возникшее после развода одиночество.

Поняв, что чем дольше он находится рядом с мамой, тем сложнее обоим найти общий язык, Гриша решил жить отдельно – в общежитии или в съемной квартире. А для этого необходимо поступить в вуз. Институт Григорий выбрал медицинский. Частые приступы изжоги с самого раннего возраста невольно заставили интересоваться медициной. А еще у Гриши была с детства зависть. Зависть к благополучной семье своего друга Сашки, чей отец и бабушка были врачами. Гришке думалось, что именно в семействе медработников возможно здоровое отношение к соблазнам, рациональный подход к жизни. Сашкин папа, как и Гришкин отец, мог выпить, но всегда умеренно. Мама друга из-за высокого оклада мужа могла совсем не работать, отдавая силы домашнему хозяйству. Покой и порядок царили в их семье. И Грише хотелось, чтобы в его жизни было все так, как у Сашка. Движимый мечтой, Гриша успешно сдал экзамены и поступил в мед. Учился упорно, не жалея сил.

Поначалу ему было сложно находить общий язык с сокурсниками – половине из них было по восемнадцать лет, пяти человекам по тридцать, ему, единственному, исполнилось двадцать один. В группе на Григория немедленно среагировали «свободные» студентки с первого по шестой курс. Но всех опередила Ида – пышнотелая девушка из Молодечно. При виде парня она не краснела, а бледнела. И ее золотистые веснушки становились еще заметнее на молочно-белом лице. Зеленоглазая, рыжеволосая, Ида была похожа на русалку. Она часто красиво, залиvisto смеялась, демонстрируя ровный ряд жемчужных зубов, но как только разговор заходил о Гришке, немела и делалась задумчивой.

Влюбившись, Идочка не стала скрывать своих чувств. Найдя предлог – занятия по химии, которую Григорий немного подзабыл за два армейских года, – девушка пригласила его к себе на съемную квартиру. Жила Ида одна. Судя по продуктам, выложенным из холодильника на стол во время трапезы, нужды не испытывала. На первом же совместном занятии Гриша почувствовал, что его тянет к этой сдобной белокожей красавице. Ему хотелось дотронуться до нее, если не ощутить, то хотя бы лицезреть ее мягкость и округлость. Поэтому Григорий, засидевшийся с Идой допоздна над учебниками, легко и с удовольствием согласился на предложение заночевать у нее. Подавляя в себе страсть к аппетитной уютной Иде, он отправился было спать на кухню. Но девушка давно для себя решила – он, и только он будет ее первым мужчиной. Молодым людям ночь показалась короткой. Гриша не мог оторваться от Иды, ему казалось, что даже самая пылкая страсть не способна утолить его потребности в обладании этой прекрасной девушкой. Он то в восхищении замирал перед бесстыдно торчащими в разные стороны пол-

ными грудями Иды, то кидался целовать поочередно каждую. «Крем-брюле – ничто по сравнению со сладостью Идиных сосков» – такая мысль возникла у Гриши, когда он зарылся головой в золото русалочьих волос.

Иду впечатлило, как серьезно Гриша отнесся к факту ее девственности. Но еще больше ее поразила взаимность чувства. «Неужели так бывает? Неужели можно пережить это счастье?» – думала девушка, накрывая стол для завтрака.

Утром Григорий долго курил на балконе, пил кофе, не глядя на Иду. Перед тем как отправиться на занятия, он взял девушку за руку и, вглядываясь в ее глаза, взволнованно произнес:

– Ида, солнышко мое, я не хочу, чтобы у тебя когда-нибудь был кто-нибудь, кроме меня.

Выходи за меня замуж.

Ида затрепетала. Молча вернулась в комнату, достала из письменного стола паспорт и протянула его Грише. В доказательство абсолютного согласия.

– Знаешь, любимый, фиг с ним, с институтом! Поехали подавать заявление в загс.

– Поехали! – с облегчением и восторгом закричал Григорий и закружил Идочку по комнате.

Известие о женитьбе обе стороны родственников восприняли в штыки.

– Еврейка? – визжала Мария Леонидовна, и ее худая шея с обвисшей, как у старых петухов, кожей дрожала от негодования. – Ты хочешь сделать меня бабушкой жидят? Да лучше негры!

Разговор происходил на дачной кухне, больше похожей на большой курятник, чем на жилой дом.

– Мама, – вновь обращался к родительнице Гриша, не обращая внимания на гадости, которые вырывались из нее. – Свадьба будет в январе. Ида – прекрасная девушка. Нашего решения тебе все равно не изменить, – монотонно убеждал Гриша свою мать. – Послезавтра поедем в совхоз Молодечный, в Молдавию, будем знакомиться с родителями и родственниками Иды.

– Боже мой! Она еще и из деревни! Думает, наверно, за счет тебя в городе остаться! Куда же мы ее поселим? В твоей комнате поместится только ежик в коробке из-под обуви!

В просторной кухне двухэтажного кирпичного дома, который редко встретишь в те времена в России, но не в Молодечном, мать Иды от известия резко села на стул, чуть не сломав его.

– Что, не было мальчика из приличной еврейской семьи? – Белла Исаковна в отчаянии трясла полными руками. – Мне страшно подумать, кто мог тебя совратить, одурачить! Ведь он наверняка хочет жениться на наших деньгах!

– Мама, ты не знаешь Гришу. Он не совращал меня, это я его... Он придет с мамой послезавтра.

Через день Гриша с матерью подъехали к усадьбе семейства Давидовичей. Дом и хозяйство вокруг него произвели на Марию Леонидовну сильное впечатление.

– Мне кажется, что твоя Ида неплохая девочка, а я погорячилась, – заявила Мария Леонидовна, выходя из машины, присланной к вокзалу папой Иды, Борисом Львовичем.

– Ты же ее пока не видела, – усмехнулся Григорий.

– Зато я вижу, что девушка из хорошей семьи. Если папа смог столько заработать и не сел в тюрьму, значит, он умный. Прислал за нами машину аж в Минск – внимательный.

– Логично, – вспомнил любимое слово своего друга Гриша.

Он помог выйти маме и достать подарки – несколько трикотажных спортивных комплектов, связанных матерью; литровую банку красной икры, несколько трепангов и вяленую рыбу, присланные отцом из Владивостока.

Встреча прошла в дружественной обстановке. Мария Леонидовна пришлась по сердцу Белле Исаковне тем, что непривлекательна и зловредна, поэтому не может понравиться супругу. Будущий зять очаровал Беллу красотой и молчаливостью.

Борис Львович, фанатично любя дочь, готов был смириться с любым ее выбором. Тем радостнее ему было признать, что Григорий ему симпатичен. Отец – офицер, серьезная мама, не сидящая ни у кого на шее, сестры работают в администрации Минска. Приличная семья. Сам Григорий весьма красивый парень, что положительно должно сказаться на детях. Любимая Ида, если быть откровенным, на любителя. Сейчас пухленькие девушки не модны.

В Молодечном Гриша с мамой гостили три дня и возвращались в Минск на машине, подаренной Иде отцом. За рулем сидел гордый Григорий, рядом – счастливая Ида, на заднем сиденье среди свертков с подарками и корзин с провизией громоздилась, как курица на насесте, Мария Леонидовна. Она пребывала в задумчивости. Всю жизнь ее учили, что евреи – враги. А ее новые родственники оказались милейшими людьми. Гостеприимными, хлебосольными, щедрыми. Вот и верь после этого сплетням.

Через три месяца сыграли свадьбу, о которой в Молодечном шли пересуды целый год.

На свадьбу родители Иды подарили молодоженам кооперативную квартиру. Именно от тестя, Бориса Львовича, коммуниста с тридцатилетним стажем, Гриша впервые услышал про Израиль.

– Заканчивайте учебу и уезжайте отсюда, дети. Я-то примерно знаю, что ждет Белоруссию, мне известно, кто такие коммунисты. Это мы, старики, здесь и померем, а вам надо строить будущее.

Входя в семью с иным укладом жизни, особенно если она еще и другой национальности, поневоле начинаешь перенастраиваться в бытовых мелочах, в еде, в отношениях с родственниками. По настоянию Бориса Львовича Гриша стал интересоваться историей иудейского народа, начал читать про Израиль. Мария Леонидовна к новому увлечению сына относилась спокойно, хотя переезд считала блажью.

Но вскоре начались жизненные сложности, потребовавшие усилий всей семьи. Ида забеременела. Григорию приходилось учиться за двоих – жена мучилась ранним токсикозом. Очень помогали деньги и продукты из Молодечного, а также забота Марии Леонидовны, которая приезжала к молодым через день и вела все домашнее хозяйство.

В июле Ида благополучно родила девочку. Назвали Софьей.

Сашка

Родители Сашки остались в гарнизоне. Константин Евгеньевич Бочкин стал полковником. Радости жены не было предела. Им выделили дом с небольшим участком, и Елена Станиславовна занялась хозяйством, разбив огород и заведя кур. Отсутствие сына не омрачало их размеренного существования. Успехи сына в институте радовали их не больше и не меньше, чем новое яйцо у курицы-несушки.

Между тем жизнь Сашки была ключом. Образованный молодой человек, умеющий дружить, не боящийся трудностей, он быстро завоевал авторитет у однокурсников. Четырехкомнатная квартира Ольги Юрьевны в доме сталинской постройки была всегда полна его друзей. Бабушка не возражала против того, чтобы некоторые ребята переселялись на время сессии в свободные комнаты. Так, Паше выпала честь жить в кабинете деда. Женьке – в бывшей маминской комнате. Ребята старались быть полезными Сашке и его бабушке. Павел приторговывал модными тряпками, пересылаемыми его родителями из Англии, подкидывал денег в общий бюджет. А Женя Валенштейн снабжал всю семью коньяком, колбасой и другими дефицитными продуктами. Приличной пенсии Ольги Юрьевны на подобные изыски все равно бы не хватило. Что уж говорить о Сашке, который хоть и получал повышенную стипендию, не мог равняться доходами с золотой молодежью, оккупировавшей институт имени Мориса Тореза.

На половину бабушки приятели старались не заходить. Сама она почти все время пропадала в госпитале или на кафедре, разрешая внуку делать все, что захочется.

– Время пройдет быстро, появится семья, а значит, проблемы. Гуляй, Сашок, пока есть возможность. Только учись хорошо и совесть не теряй, – наставляла внука Ольга Юрьевна. – Хотя ты, конечно, мною избалованный, излишне доверчивый, короче, настоящий бабушкин внучок.

– Я? – удивился тогда Сашок. – Да меня никто обмануть не может! Ни в экзаменах, ни в долгах.

– Не хотят пока, вот и не обманывают. Не становись сволочью, Сашка, не подводи меня.

И внук не подводил. Прекрасно учился, в экономические преступления типа фарцовки или валютных махинаций не лез, спиртным не злоупотреблял.

Хотя в отношениях с женщинами его совесть частенько помалкивала, а то и вовсе мурлыкала. В его кровати перебивали все студентки, решившие пожить красивой жизнью за чужой счет.

Легко учась, легко добиваясь от женщин взаимности, он пока не встретил свою любовь.

С четвертого курса стал работать переводчиком в одном закрытом московском клубе, куда часто наведывались иностранцы, и жизнь его заметно изменилась. Сашок считал, что к лучшему, бабушка – что к худшему.

Новое амплуа

Володя на время оставил учебу в финансовом колледже. В деньгах по-прежнему была нужда. Доходов таксиста и продавщицы для лечения Дорочки не хватало. Косоглазие ребенку исправили. Операция потребовала от родителей серьезных затрат. Но особенно дорого обошелся супругам массаж для дочки. И тогда Володя решил, что можно серьезно сэкономить, если массажировать ребенка будет он сам. Убитый горем отец записался на курсы.

С первого дня он понял, что массаж у него получается. У Володи оказались не только сильные руки, но и благоприятная северная энергетика.

Используя рекомендации врача, Володя начал самостоятельно лечить свою Дорочку. Она, несмотря на болезненность, была очень красивой девочкой, ребенком с золотым характером.

Иногда, просыпаясь по ночам, Володя думал: «Я такой здоровый и сильный, а она совсем крошечная и беззащитная. Господи, накажи лучше меня и дай малышке здоровья!» Слезы выступали на его глазах от отчаяния. Засыпая на мокрой подушке, он томился надеждой на лучшее.

Семейная жизнь Володи катилась под гору.

Если Ривка не устраивала вечером скандал, это значило лишь то, что ее нет дома. Она почему-то была уверена, что во всех ее бедах виноват муж. Несчастье заострило ее миниатюрные черты – в ее облике появилось что-то хищное. Ривка стала похожа на мелкого, но зубастого грызуна. И грызла она Володю неустанно. Кто виноват в их финансовых проблемах? Конечно, он! Кто виноват, что они до сих пор зависят от ее родителей? Без спору, он! Кто виноват, что девочка родилась больной? Несомненно, он! Иногда Володе казалось, что его мудрая, рациональная жена тронулась умом от горя. Желая забыть о несчастье, отодвинуть его подальше от себя, Ривка все чаще и чаще предлагала отдать Дорочку родителям, а самим начать новую жизнь, попробовать родить здорового ребенка, начать зарабатывать больше денег, не отвлекаясь на маленькую калеку.

Молча выслушав жену, Володя шел в душ, затем переодевался и ехал к очередному клиенту делать массаж. Заказы ему искали педагоги на курсах, которые он окончил, желая помочь парню справиться с несчастьем в семье. Слава о Володиных руках волной покатилась по русскому Бруклину. Он еле успевал ездить на домашние визиты. С работы таксиста ушел. Денег получал в три раза больше, но и их все равно не хватало.

Деловитый постоянный клиент, догадавшийся торговать в Бруклине бородинским хлебом и жареными семечками, предложил Володе оформить свой кабинет мануальной терапии. Идея Вовке понравилась. Тщательно посчитав свои возможности и затраты, он представил в банк технико-экономический план и получил ссуду. Помещение арендовал все на тех же курсах массажистов, где уже сам стал преподавать.

Деньги дали возможность поместить двухлетнюю Дору в специализированный интернат. Там девочке жилось лучше, чем с истеричной Ривкой. Как только дочка покинула дом, Володя поселился в клинике. Отношения его с женой вконец разладились. Ему, пока он не получил грин-карту, нельзя было разводиться, иначе Дорочка осталась бы с мамой. А матери, как понял это Володя, больная дочка совсем не нужна. Трудности высветили в рафинированной Ривке злое, мелочное, сделали ее некрасивой. А в Володе, простецком парне из неблагополучной семьи, – благородное, доброе. От переживаемых страданий в его лице появилась аристократичность. Взгляд его черных глаз приобрел трагизм, который несведущие женщины воспринимали как загадочность. Но Володя не отчаивался, он был твердо уверен: судьба всегда на стороне настойчивых людей.

Однажды на массаж к Владимиру пришла холеная дама лет пятидесяти. Сев за стол напротив, она улыбнулась хорошо отрепетированной улыбкой, ослепляя искусством современной стоматологии.

– Здравствуйте. Мне вас рекомендовали хорошие знакомые.

– Вас зовут?.. – Володя взглянул в тщательно откорректированное пластическими хирургами лицо. – Ой, извините, замотался, не узнал, телеведущая Валентина Раскольников? Канал «Русские в Америке»?

– Да! Три месяца настраивалась вас посетить и вот пришла.

– Раздевайтесь. Вам помочь?

Оба встали. Валентина оказалась на полторы головы ниже Владимира. Она выразительно посмотрела на русского гиганта и, отложив сумочку, расстегнула верхнюю пуговку шелковой блузки.

– Не надо. Это я еще могу делать сама.

На сеанс Володя потратил два часа. Большую часть он колдовал над спиной пациентки, и Валентина сладко постанывала, иногда вскрикивала от секундных болевых ощущений.

Встав с кушетки, телеведущая, не стесняясь наготы, наклонилась вперед, достала пальцами, не сгибая колен, до пола, повернулась в одну сторону, в другую и удивленно констатировала:

– Ничего не болит. Вы – волшебник! – Неспешно надевая бюстгальтер, Валентина сделала какое-то кокетливое движение, отчего весьма объемная грудь заколыхалась, вызвав у Володи ужас. – Я такое количество таблеток принимаю, но ничего не помогает. А у тебя, – неожиданно перешла она на «ты», – золотые руки. Может, я смогу тебе чем-нибудь помочь?

Пожав плечами, Владимир подал женщине брюки, и та, принимая их, дотронулась до пальцев массажиста.

– Не стесняйся. За свое мастерство можешь просить что угодно.

– Я развожусь. – Владимир отвернулся к окну, чтобы не наблюдать за пациенткой. Она, конечно, женщина эффектная, но все-таки пятьдесят с лишним лет, это уже не упругие ягодицы и ноги. – У меня еще нет никакого статуса, и после развода я буду вынужден вернуться в Советский Союз. Я бы с радостью возвратился, но у меня здесь остается двухлетняя малышка, больная ДЦП. Я ей нужен.

Голос его дрогнул, и он замолчал.

Привыкшая к повышенному вниманию Валентина поправляла макияж и пристально рассматривала красавца мужчину, в котором пульсировали здоровье, сила, талант.

– Это просто, Володя. Я оформлю с тобой фиктивный брак, а ты за это будешь через день делать мне массаж... – заулыбалась телеведущая. – Стоит мне сказать по телевизору о тебе хоть одно предложение, и очередь на запись будет на много месяцев вперед.

Так все и произошло. Володя развелся с Ривкой и оформил брак с Валентиной. У него не возникло ограничений в общении с ребенком, он мог ее видеть и приезжать к ней ежедневно. Иногда он забирал девочку к себе на работу. Там с Дорой с удовольствием возились медсестры, по очереди дежурившие в его медицинском кабинете. Девочка многое научилась делать самостоятельно и даже стала, хоть и медленно, ходить.

Ривка забыла о больном ребенке. Только ее родители приезжали в интернат навестить внучку. Но Дора плакала, видя их. Володя попросил тестя и тещу не травмировать девочку, не приезжать к ней, и они с облегчением согласились с ним. Все их внимание снова переключилось на дочь. Вскоре Ривка снова вышла замуж и ждала второго ребенка.

Дорочке исполнилось три годика. Володе очень не хотелось, чтобы малышка росла в интернате, но пока забрать к себе дочь он не мог. Целый день он работал, а вечерами учился, восстановившись в финансовом колледже.

Для массажного кабинета он нанял четырех самых талантливых массажистов и массажисток с курсов, а также медсестер, секретаря и сестру-хозяйку. Теперь медицинский кабинет работал круглосуточно и без выходных. Поездки через день к Валентине домой или прямо на телевидение, где он массажировал ее перед эфиром, изматывали его. Но без помощи телеведущей его кабинет не был бы таким популярным. Именно после упоминания на русском канале массажиста Владимира Михайлова, делающего чудеса с телом и душой, к нему хлынул поток пациентов. Через три месяца после этого он открыл еще два кабинета, смог добавить физиотерапию, УВЧ, электрофорез, иглотерапию и грязелечение. Деньги на расширение дала Валентина с условием, что у нее будет доля в бизнесе. Михайлов согласился.

Иметь в США свою клинику – это не каждому дано. Володя позвонил матери, сообщил о радостном известии и предложил переехать к нему. Но Галина Моисеевна бодро заявила, что погостить она готова с удовольствием, а вот жить она сможет только в России. Им с отцом наконец-то дали новую квартиру, ситуация в стране меняется, и матери не хочется покидать родину. Она просто уверена, что отец сопыет в Америке от недостатка общения. Им уже сообщали о подобных случаях.

– Я тебя понимаю, мама. Мне здесь, если честно, тошно жить. Но Дора... Но клиника...

Второй звонок был Грише. На вопрос Володи: «Как дела, Пирожок?» – Гриша ответил: «Пока еще не полная изжога, терпеть можно».

Третий звонок был в Москву Сашке.

– Привет, любитель морских огурцов. Приезжай, дружище, а то я тут пухну от скуки. Только работа и забота о дочери не дают мне скурвиться. Знаешь, у меня новости: я стал совладельцем клиники...

– Поздравляю от души, Вовка. Рад за тебя. Твой успех логичен и закономерен, братан: ты не пасовал перед трудностями! Расти дальше, кореш!

– Представляешь, Сашка, здесь что наша нерка, что трепанги – очень дорогие. А помнишь, как мы ими объедались?

– Конечно, помню, – засмеялся Сашка. – Мать меня однажды этими деликатесами неделю кормила. Ведь пять килограммов трепангов тогда набрали, помнишь?

– Да как забудешь, Сашок! Я тебе по гроб жизни обязан!

– Да ладно ты, Вовка, я же не об этом!

Общение с друзьями было для Владимира единственной отдушиной в то время.

Переезд

К окончанию института у Григория было уже двое детей – пятилетняя Софа и трехлетняя Марина. Софа была медлительная, но послушная девочка. Марина – полная противоположность: непоседа и хулиганка.

Для многих советских евреев отъезд в Израиль был вынужденной мерой. Сказывался скрытый и явный антисемитизм: «зажимание» на работе по «пятому» пункту, то есть по национальности; негласная разнарядка в учебных институтах только на определенное количество студентов-евреев и даже ограничение при выезде на работу за границу.

Для русского Гриши отъезд на Землю обетованную оказался некой игрой. Ему представлялась сказочная страна с умными и мудрыми жителями, лишенными недостатков. В таком духе Григорий настраивал и девочек.

С ним активно была не согласна Ида, с детства знавшая как положительные, так и отрицательные черты характера евреев.

– Все люди – живые и совсем не ангелы, не стоит себя обманывать. А уж среди чужих людей, какими бы они тебе хорошими ни казались, будет очень трудно.

Но муж супругу, не желающую покидать насиженное место, не слушал и, поддерживаемый Борисом Львовичем, активно готовился к отъезду.

На сторону невестки неожиданно встала Мария Леонидовна. Разговаривать о трудностях эмиграции она решила не с сыном, а с тестем. Взяв билеты на поезд, она самостоятельно добралась до Молодечного.

– Чего так неожиданно? – удивленно рассматривала сваху Белла Исхаковна. – Случилось что?

– Нет, пока ничего плохого не произошло, – успокоила ее Мария Леонидовна, проходя в дом. – Специально не звонила, чтобы Гришка не раскипятился. Дай водички, упарилась вся и горло с дороги пересохло.

– Воды мало, есть молодое вино.

– Давай!

Главу семьи ждали до сумерек. Он, как обычно, пропадал на работе, пытаясь сохранить остатки совхозных завоеваний.

– Боря, – волнуясь, мать Гриши говорила слишком громко, – они ведь жизни не знают. Пока учились, девочки были зимою у меня, а в каникулы у вас. Ида – девушка хорошая, но избалованная с детства. Она даже не понимает, сколько вы с Беллой и я тащим на себе забот о них.

– Согласен, – миролюбиво произнес Борис Львович. – И шо вы конкретно хотите?

– Поехать с ними, – уверенно заявила Мария Леонидовна. – Им необходима помощь, особенно первое время.

– Как я понимаю, у вас есть к нам вопрос денег?

– Да, – не стала стесняться Мария Леонидовна. – Мне неоткуда взять. Муж снова женился и не может помогать, а дача не только в моей собственности, но и сестер. Продать не могу.

– Видал я ту дачу, – вздохнул Борис Львович. – Будка для собаки крупной породы.

Проглотив обиду, Гришина мать подобострастно смотрела в глаза сыновнего тестя.

Дальнейший разговор занял три часа, но было решено, что с детьми и внуками поедет и свекровь.

В тысяча девятьсот восемьдесят девятом году семья Григория Степанцова переехала на постоянное место жительства в Израиль. Софье исполнилось восемь лет, Марине шесть.

В Хайфе им предоставили двухкомнатную квартирку с картонными стенами и без горячей воды. Она сама собой нагревалась в баках, расположенных на крыше дома. Что, впрочем, было нормой для Израиля. После роскошной минской квартиры условия показались Степанцовым отвратительными.

Григорий, Ида и Мария Леонидовна стали заниматься в улыпане, там они учили иврит, арамейский и познакомились с культурой древней страны. Образование, несомненно, вещь хорошая, но гораздо важнее на тот момент было устроиться на работу и получить подтверждение дипломов врачей, чем изучать мертвый арамейский язык.

Девочки пошли в школу. Отношения там у них не складывались. Плохо говоря на иврите, они к тому же привыкли к повышенному вниманию и баловались на уроках. Их наказывали дополнительными уроками и нотациями, половину слов из которых они понимали с трудом.

Стресс эмиграции сразу отразился на семейных отношениях.

Избалованная Ида уставала от неопределенности. Жалея себя, она не хотела ежедневно готовить. Привыкшая к обильной еде, включавшей и баранину, и сало, и копченую свининку, Ида с удивлением узнала о запрете на некошерные продукты. Некошерными считались свинина, некоторые виды рыбы и любое разрешенное мясо, приготовленное в молоке или сметане. О бефстроганове не было и речи, употребление его грозило исключением из улыпана.

Мало понимая язык, Мария Леонидовна немедленно нашла магазины с русскоговорящими продавщицами. Вместе они от души хаяли порядки и в Советском Союзе, и в Израиле. Марии Леонидовне шли навстречу, предупреждали о скидках на продовольствие и одежду, учили правилам поведения.

А вот с невесткой взаимопонимание у свекрови улетучилось окончательно. Сдерживая себя в Минске, где молодая семья так зависела от помощи из Молодечного, в Израиле Мария Леонидовна высказала все, что накопилось за много лет. Разбуянившись, она могла стегануть нерадивую невестку мокрой половой тряпкой, обвиняя в лени. Ида ленилась учиться, готовить и даже ходить в школу за детьми.

В те часы, когда Гриша мог бы отдыхать, ему частенько приходилось успокаивать мать и мирить ее с Идой.

Отвратительное настроение переселенцев усугубилось погодой. Такой зимы никто не ожидал – неделями с неба, как из ведра, лил дождь. Во временной квартире не оказалось ни кондиционеров, ни обогревателей. Домочадцы надевали на себя все, что было в чемоданах и давали соседи. Бетонные полы и сырые стены наводили тоску. Девочки постоянно болели.

По ночам слыша через стену кряхтение матери в комнате с дочками и чувствуя под боком тело располневшей жены, Гришка вспоминал о военном гарнизоне, о своих друзьях.

Зима в Израиле длится всего три месяца, потом на смену дождям и пронизывающей сырости приходят хамсины – ветры из пустыни, несущие горячий воздух.

Обжигающая жара с песчаными ветрами нахлынула внезапно, высушив дома и город за несколько дней. Дети перестали болеть. Скоро погода стала идеальной, солнце и тепло подняли настроение. Появились силы дальше жить и работать.

Первый экзамен Ида завалила и пошла работать фельдшером в крупный госпиталь – Асаф Хорофе, хотя приходилось ехать в Ашкелон.

Гриша тоже завалил экзамен, но не сдался. Через полгода он пересдал предмет и начал стажировку в той же больнице. К многочисленным сложностям эмигрантской жизни добавилась служба в армии. Гриша смеялся – мало кому выпадает на долю дважды служить в вооруженных силах. Но, как и все израильтяне, в армию пошел. Сборы давали ему передышку в тяжелых семейных отношениях. Не спеша Гриша осматривал военнообязанных, не ленился назначать все положенные анализы и читал в своей военной части лекции по предупреждению переохлаждения, солнечных ударов, натирания ног до крови, пищевых отравлений.

Следующей зимой он сдал очередной экзамен и получил диплом, подтвердивший квалификацию гастроэнтеролога.

Радость омрачила начавшаяся война в Персидском заливе. Гриша дежурил в ту ночь. Привозили раненых, в основном в состоянии шока. Когда он ассистировал профессору Перецу, на операционном столе умерла женщина двадцати семи лет. Уйдя в ординаторскую, Гриша долго сидел за своим шкафом. «Зачем я здесь? Я ведь не сионист, а простой русский парень, который решил примерить на себя жизнь другого народа. На самом деле я хочу на родину – на свой Дальний Восток».

Чужая семья

Работы стало невпроворот. Первая русско-язычная клиника по реабилитации, хиропрактике и иглоукалыванию в Бруклине приносила весомый доход.

Володя самоустранился от массажа, делая его только в исключительных случаях. Теперь он взял на себя руководство клиникой, применяя знания, полученные в финансовом колледже.

Дождавшись момента, когда Володя начал буквально падать по вечерам от усталости, Валентина предложила мужчине, от которого у нее кружилась голова, переехать к ней жить, а не маяться в клинике. Тем более что эмиграционная служба начала проявлять усиленное внимание к неравному браку, подозревая его фиктивность.

Михайлов переехал, и тут же образовалась новая проблема.

Валентина жила с единственной своей дочерью Сандрой. Избалована она была сверх меры отцом, живущим теперь в другой семье, и особенно матерью. Девушке исполнилось восемнадцать лет, и она почувствовала себя совершенно взрослой и независимой.

Встретив Михайлова в коридоре или на кухне, Сандра пренебрежительно здоровалась сквозь зубы. Володя побаивался этой девицы. Жил он в бейсменте – полуподвальной однокомнатной мини-квартире для гостей, имеющей отдельный вход.

Однажды ночью Сандра влезла к Володе под одеяло, разбудила его поцелуями в губы и шею. Проснувшийся Володя сдержал ее руки, тянущиеся к низу его живота, и, легко подняв девушку, поставил на пол.

– Не надо, Сандра, не балуй. Пожалей меня. Мать узнает – выставит из дома, а мне сейчас деваться некуда.

Опомнилась Сандра, когда ее голую ногу лизнул Шнурок, любимый кот породы сфинкс. Он везде ходил за Сандрой и спал у нее на подушке, грея своим горячим лысым тельцем голову хозяйки.

Наутро Сандра сидела на кухне за утренним кофе злее обычного. Именно в это утро она заметила влюбленность матери. Та смотрела на Михайлова глазами больной собаки, зависящей от хозяина.

Не замечая взглядов Валентины, Володя пил кофе и просчитывал, через какое время он будет у дочери в интернате. Отвлек его голос жены.

– Володя, давай сегодня отменим вечерний массаж и сделаем его прямо сейчас, перед эфиром. Он придаст мне свежести.

Отказать Валентине Володя не имел права и, отставив бокал с кофе, побрел к бассейну, рядом с которым телеведущая распорядилась поставить массажный стол.

Страсть увядающей женщины к молодому мужчине, ежедневно дотрагивающемуся до нее крепкими умелыми руками, разгоралась с каждым днем. Разницу в двадцать с лишком лет она считала несущественной – и не такое случается в жизни.

Через десять минут после начала массажа Валентина неожиданно схватила голову Володи и прижала к своей груди. Женщина тяжело дышала, щеки порозовели, и она впилась поцелуем в губы Михайлова. Володя инстинктивно оттолкнул ее.

– Ну, что вы, Валентина... Не стоит. В доме дочь и кухарка, и вообще... я не готов.

Через стеклянную стену кухни за ними наблюдала Сандра. Улыбка у нее была зловещая.

Не сомневающаяся в своих женских чарах Валентина не ожидала отказа. Холодность какого-то эмигранта-массажиста стеганула по ее самолюбию. Ведь за нею постоянно ухаживали влиятельные и богатые люди Бруклина. Злость и раздражение перекосили ее лицо.

– Что, щенок? Старая для тебя? А ведь ты мой законный муж!

Володя одновременно сжал челюсти и кулаки. «Считай до десяти», – приказал он себе, а вслух произнес:

– Мы ведь с вами обо всем договорились – никаких сексуальных отношений ни с одной стороны. Не будем усложнять себе жизнь!

Спустившись с массажного стола, Валентина в одних тонких трусиках убежала в дом.

Так Владимир попал в безвыходное положение: нелегальное пребывание, фиктивный брак, невозможность жить в другом месте, иначе брак признают недействительным и его вышлют из страны. Да еще и клиника наполовину принадлежала Валентине. В отчаянии он сел на край бассейна, свесил ноги в воду. Рядом с ним пристроился Шнурок и заворуженно смотрел на переливающуюся воду. Тут же появилась Сандра.

– Решил мамочку охмурить, стать поближе к денежкам?

– Перестань, Сандра. Ты же видела, это она...

– Видела. Но на суде, при разводе, я скажу совсем другое.

Подхватив кота, девица прыгнула в бассейн. Шнурок истошно заголосил и сразу выпрыгнул из воды.

Вновь досчитав про себя до десяти, Володя встал и пошел одеваться. Желудок сводило изжогой, но он терпел. Дочь ждала его с самого утра, и не стоило ее разочаровывать.

Плача в своей комнате, Валентина наносила на лицо крем и корила себя за несдержанность. Как бы она ни была обижена на фиктивного мужа, все равно была готова терпеть даже его равнодушие, лишь бы он был рядом.

Она быстро накинула халат и побежала к гаражам. Володя как раз собирался сесть в машину.

– Михайлов! Прости меня, я погорячилась. Не уезжай, живи, сколько хочешь.

Повернувшись к Вале, Володя обнял ее и легко поцеловал.

– Конечно же, Валя. Я понимаю, как тебе обязан, но сделай еще одно хорошее дело. Я хочу забрать Дору сюда, в твой дом. Разрываюсь на работе и многого не успеваю.

– Хорошо, – сразу успокоилась Валя. – Привози. Возьмем няню, будем вместе воспитывать девочку. Интернат не может пойти ребенку на пользу.

Увидев обаятельную больную девочку, Валентина сразу пришла в себя и поехала в книжный магазин покупать педагогическую литературу. Она не зря стала знаменитой и богатой женщиной, понимала, что к любому делу нужно хорошо подготовиться.

Сандра девочку не восприняла и, пытаясь задеть Володю, игнорировала ее.

Зато Доре повезло с няней. К девочке сорокапятилетняя Марина искренне привязалась, одинокая, она отдавала ей всю свою любовь и тепло. Няня чувствовала напряжение в доме известной телеведущей, но никогда не лезла с расспросами или советами. В ее обязанности входили уход за Дорой, занятия с нею по особой системе, развивающие игры и, по особой договоренности, наблюдение за Шнурком.

Кот принял Марину, как свою. Например, приходящую кухарку он не признавал, а около няни терся, когда любимой хозяйки не было дома. Марина должна была пресекать желание Шнурка заглотить все, что так или иначе похоже на шнурки. То есть веревки от жалюзи, нитки для вязания и шитья, тесемки зонтов, длинную бахромку скатертей.

Сандра, лишившись доли материнского внимания и не видя со стороны Володи никакого интереса к своей персоне, решила все-таки соблазнить массажиста. Она нарочно ходила по дому в коротких шортиках или в мини-юбках, а ее топики заканчивались прямо над сосками. С Мариной она даже не здоровалась, Дору не видела в упор.

Володю проблемы взаимоотношений женщин интересовали мало. Он сосредоточился на цели – вернуться в Россию. Для этого он должен был стать гражданином США и выиграть в

суде право распоряжаться судьбой Доры. Без нее он не видел своего будущего, а без его заботы и любви дочка обязательно пропадет.

Однажды ложась спать, он увидел капли засохшей крови на простыне. Менять белье не было сил, и он так и заснул, не выяснив, что же он порезал на себе.

За утренним кофе Владимир читал отчеты специалистов клиники, Марина кормила Дору, Валентина просматривала текст сегодняшнего эфира.

Торжественным шагом в кухню зашла Сандра и громко заявила:

– Мапочка, я вчера стала женщиной!

– Давно пора, – серьезно ответила мать. – Но почему ты об этом орешь, да еще при Марине и Володе?

– Так это он сделал меня женщиной и теперь считается моим бойфрендом.

Бумаги из рук Валентины разлетелись по полу. Она с таким отчаянием взглянула на Володю, что он готов был сквозь землю провалиться.

– Она врет, Валя. Врет, как все подростки.

– А ты посмотри на простынь в его кровати, мамочка! – перебила его Сандра.

Отложив отчеты, Володя встал и вышел из кухни.

У себя в комнате он, задыхаясь от негодования, содрал простынь и, свернув в бесформенный ком, вернулся с нею в кухню. Преодолевая такие долгие десять метров, он чувствовал боль в желудке и изматывающую изжогу. Он развернул простынь и показал пятна одновременно всем женщинам.

– Это не вагинальная кровь. Заявляю как человек, имеющий отношение к медицине. Скорее всего, Сандра уколола себе палец.

При этих словах Валентина ловко схватила левую руку дочери и увидела на безымянном пальце точку укола.

– Дура ты, Сандра, – удовлетворенно заявила она. – Умнее надо действовать, аккуратнее и решительнее. А Володю не трогай, он мой муж, и не фиг на него разевать роток. – Повернувшись к Доре, Валя протянула к ней руки. – Правда, моя сладкая девочка? Иди к мамочке.

Доверчиво улыбаясь, Дора позволила пересадить себя с колен няни на другие. Валя целовала девочку, нарочито не обращая внимания на злость родной дочери.

Шепотом выругавшись сразу на двух языках, Сандра убежала к себе в комнату. И она, вероятно, продолжала бы дальше свою личную войну, совершенствуясь в создании пакостных ситуаций, но вмешался случай.

Через пару дней после произошедшего, поздно вечером, в дверь комнаты Володи затарабанили, и он услышал голос Марины.

– Помирает! Шнурок умирает! Володя, спасай, я не знаю, что делать!

Лысый котяра умирал на кафельном полу кухни у всех на глазах. В этот раз он проглотил шнурок от кроссовок. Бедное животное лежало на спине, закатив глаза, и уже не мяукало. Рядом со Шнурком на полу сидела Сандра и плакала навзрыд, как плачут испуганные дети.

Подойдя к коту, Володя засунул свои длинные пальцы ему в пасть и нащупал пластиковый кончик шнурка. Осторожно подергивая веревку, он вытащил его, отложил в сторону и стал ощупывать кота, который еле дышал. Что только он не делал со зверем: тряс его за задние лапы, стучал по спине, давил на живот. Кот был похож на мешок с песком. Сандра выла в голос и целовала любимца, но Михайлов резко отодвинул ее в сторону Марины.

– Держи нашу сексуально озабоченную девушку, мешает.

Сев на пол, хрупкая Марина обхватила Сандру за плечи и притянула к себе.

Радости не было конца, когда после очередной манипуляции кот ожил. Его вырвало, и он, чувствуя вину, залез под кухонный диван.

Со слезами благодарности Сандра протянула Володе руку:

– В общем, для своих я – Александра. Для чужих я просто сократила имя на американский манер и оставила Сандра. А девственность я потеряла два года назад, просто проверяла тебя на вшивость. Ты меня тоже пойми, – Сандра всхлипнула и, не стесняясь, утерла хлюпающий нос. – Мать помешана на тебе, да еще твой ребенок, не совсем здоровый... Извини. А для меня Шнурок – мой ребенок. Парни меняются, а он самый верный. Мир?

– Мир. – Засунув руку под диван, Володя вытащил кота и передал Сандре. – Держи свое сокровище.

Время текло, все менялось, в России тоже... Когда Дорочке исполнилось шесть лет, в Советском Союзе вовсю гремела перестройка. У Володи к тому времени был американский паспорт, вторая степень по экономике и он мог вернуться в Россию вместе с дочерью.

Крутой вираж

В свои семьдесят шесть лет Ольга Юрьевна не хотела выходить на пенсию. Работала с прежним энтузиазмом, что и в молодые годы: по десять часов пять дней в неделю. После операции или защиты докторской степени, а чаще просто на ночь после ужина, она с удовольствием выпивала стопочку водки, выкуривала сигаретку. Ольга Юрьевна во всем предпочитала умеренность. Несмотря на жесткий график работы в госпитале и преподавательскую деятельность на кафедре мединститута, бабушка Сашки всегда была в приподнятом настроении. Болеть ей было некогда, и на старческие болячки Ольга Юрьевна внимания не обращала. Иногда пожилая женщина брала несколько выходных и ехала в подмосковный пансионат для ветеранов, где диетически питалась, играла в настольный теннис и плавала в бассейне. Отдых не мешал ей и в пансионате проводить консультации: всегда встречались либо коллеги, либо пациенты, нуждающиеся в ее советах.

Терпеливо относясь к «слабостям» внука, Ольга Юрьевна вовремя заметила чрезмерную увлеченность Сашки ночной клубной жизнью, за которую ему как переводчику платили немного, зато предоставляли широкий выбор развлечений: от дегустации дармовых спиртных напитков, уединенного досуга с девушками «облегченного поведения» до забивания косячка марихуаны.

Проведя ряд нравоучительных бесед, бабушка волевым решением устроила внука переводчиком в военную академию, дабы он не отрывался от реальной жизни и знакомился с влиятельными людьми. Сашка спорить не стал – решил уважить бабушкин выбор. Но путь военного его не прельщал. Да и скучно ему было заниматься крючкотворством.

Но наступили 90-е годы. Армия стала нищать. Офицеры потеряли статус престижных женихов. Ольга Юрьевна, не обращая внимания на перемены, продолжала преподавать полевою хирургию и руководить отделением в госпитале Бурденко. Ее даже никто не подсиживал: денег докторам платили мало, взятки не давали, а ответственность с врачей никто не снимал. Зарплата бабушки и внука хватало только на оплату коммунальных услуг и скудное питание, раздобыть которое становилось с каждым днем все труднее и труднее. Сашка принял решение уйти из академии. Бабушка, видя, что творится в стране, препятствовать не стала.

Сашок вернулся к прежней работе. На базе клубов появились вскоре казино. Российские бизнесмены, стремясь перенять зарубежный опыт, нуждались в услугах переводчиков. Сашка, знакомый со многими владельцами клубных центров, оказался нарасхват. Он полностью включился в бизнес, связанный с казино. Присутствовал на серьезных переговорах владельцев и управляющих увеселительных заведений, сопровождал встречи и договоры с поставщиками, организовывал визиты богатых западных клиентов. Постепенно он, как человек образованный и действенный, стал иметь долю в поставках спиртного, табака, профессионального оборудования из-за границы. Его ценили за честность и точность в расчетах, не говоря уже о высоком классе переводов. Через пять лет Александр стал работать напрямую с владельцем сети казино, человеком, всегда остающимся в тени, – Даниелем Валерьевичем.

Атмосфера в игорных заведениях менялась с каждым годом. Увеличился оборот денег, стало больше кровавых «разборок». Новоиспеченные нувориши темной плесенью заполонили рестораны, развлекательные центры. Появились публичные дома, наркопритоны. Концентрацией всех низменных человеческих страстей стали казино. Со скоростью вращения рулетки менялся мир: сегодня выигрыш – и ты богат и счастлив, а завтра проигрыш – и ты нищ, и нет тебя несчастнее. Легкие деньги обесценили и жизнь человека: должники пускались на преступления, за долги убивали. Сашка, теперь Александр Константинович, прекрасно понимал, что противостоять игорной заразе бесполезно. Между ним и бабушкой часто возникали споры.

– Одна беда от твоих казино! – возмущалась Ольга Юрьевна.

– Во всем мире игорный бизнес есть, только у нас он имеет пока корявые формы. Вот разовьется и примет цивилизованный вид, – парировал ей Сашка.

– Разовьется... Да лучше бы задохнулся он в самом своем начале!

– Подожди, бабушка, все станет на свои места!

– Дураков жалко: ладно сами себя обкрадывают – семьи страдают! Развели порок!

– Бабушка, – не унимался внук, – в конце концов, играть или не играть – выбор каждого человека! Условия нынешние заставляют быть бдительными. Авось дураки поумнеют!

Конечно, сомнения в правильности выбранного пути Сашку посещали. Но он надеялся, что его деятельность, деятельность разумного, образованного и в целом порядочного человека, позволит игорному бизнесу скорее приобрести цивилизованные формы.

Сашка был против распространения наркотиков в казино. Докладывал о замеченных нарушениях Даниелю Валерьевичу, и тот принимал меры, проводя собственное внутреннее расследование. Попавшихся на продаже наркоты увольнял. Кому могли понравиться набеги милиции и постоянные выплаты взяток во «внутренние органы»!

В целом жизнь референта при владельце сети казино Сашу устраивала. Он содержал себя и бабушку. Сделал ремонт в квартире, купил дорогую машину. Много денег уходило на любовниц. А еще Сашка не скупился на экстремальные виды спорта. Поначалу ездил в Австрию кататься на горных лыжах, потом увлекся прыжками с самолетов. Следующим этапом стал бейсджампинг. Александр, в отличие от своих друзей детства, не обладавший ярко выраженной брутальностью, радовался как ребенок возможности проявить свои силу и смелость. Ему доводилось прыгать с небоскребов, с водопада, с гор. Адреналин, получаемый Сашкой от дорогостоящего и опасного увлечения, стал компенсацией сомнительной деятельности на ниве игорного дела. В отличие от прыжка с парашютом из чрева самолета, прыжок, например, со Стены Троллей в Норвегии и по расстоянию, и по времени в полете значительно короче. Буквально за несколько секунд Сашке приходилось группироваться и раскрывать по особой технике парашют, чтобы не запутаться в стропах. Страх и радость, ужас и ликование, сомнение и вера – такой букет эмоций переполнял душу молодого мужчины. Правда, иногда Сашка улавливал некоторую взаимосвязь между рулеткой и бейс-прыжком: и там, и там многое зависело от везения; и за карточным столом, и на макушке небоскреба приходилось подчас рисковать собственной жизнью и благополучием близких. Бабушке о своем новом увлечении Александр не рассказывал – зачем волновать старушку! Ольга Юрьевна пребывала в уверенности, что внук осваивает парашютный спорт. «Пусть хоть в этом продолжает военную династию! – вздыхала она. – Лишь бы только жив и здоров был!»

Крутой поворот в жизни Сашки произошел, когда он в очередной раз прилетел по делам в Англию. В один из дней он приехал в недавно приобретенный дом Даниеля Валерьевича. Только мужчины поднесли к губам бокалы с виски, чтобы выпить за встречу, как услышали дворецкого:

– Сэр, ваша дочь ждет вас в гостиной.

Саша удивился: он не знал, что у босса есть дочь.

– Александр Константинович, прошу меня извинить – я вынужден вас временно покинуть, – произнес Даниель Валерьевич и рукой показал, что гость может продолжать дегустировать крепкий напиток.

Повинуясь жесту шефа, Александр отошел с бокалом к окну и попытался представить, как может выглядеть дочь Даниеля Валерьевича. Наверное, такая же высокая и полная, как отец. Через некоторое время в кабинет вошли в обнимку босс и его дочка. Движения девушки, в отличие от отца, были стремительными. Возникало ощущение, что Даниель Валерьевич, как медведь, словно сдерживает порывистость газели. Внешность дочери была необычна.

Девушка была среднего роста. Темные блестящие, чуть выющиеся волосы окаймляли узкое лицо с высокими скулами. Поражал персиковый цвет кожи, гладкой и тонкой. Но более всего удивляли раскосые лучистые карие глаза. Такими же подмигивали на импортных календариках советской поры прекрасные японки.

Даниель Валерьевич поцеловал дочь в щеку. Таким ласковым и светящимся Саша своего босса никогда не видел.

– Моя единственная дочь, Валерия, – сказал шеф.

– Александр. – Саша поцеловал руку с тонкими холодными пальчиками.

Если бы кто-нибудь спросил у Александра в тот момент, бывает ли любовь с первого взгляда, он бы не задумываясь ответил: да!

– Как вы смотрите на то, чтобы вместе пообедать в центре Лондона? – спросила, словно пропела, Валерия, обращаясь к Саше. При этом она зажала ноготок мизинца в уголке губ. И этот ее жест, полный сомнения и детского очарования, поразил искушенного Сашку больше всего.

– С удовольствием! – Александр был не в силах оторвать свой взгляд от ее мизинца.

Принято было решение ехать всем в одной машине. Когда автомобиль вырулил в историческую часть города, Валерия взяла на себя роль гида:

– Это музей восковых фигур... Это центральная улица города, Оксфорд-стрит...

Не объясняя, что он был в Лондоне раз десять, Саша слушал милый голос, находясь под любовным гипнозом. Ему хотелось остаться с этой девушкой навсегда.

В последующие дни встречи Александра и Валерии были частыми. Босс просил составить компанию за ужином, одаривал билетами то на мюзикл, то на театральную премьеру, то на выставку. От Сашки не ускользнуло желание Даниеля Валерьевича сосватать дочь своему напарнику. Молодой человек был доволен доверием шефа. А возможность ежедневно видеть и слышать Валерию воспринимал как неза заслуженное счастье. Омрачало его лишь то, что за их спинами всегда присутствовал телохранитель Леры Дмитрий. Высокий, смазливый, вел он себя тихо, но самоуверенно. То в кафе вмешается во время разговора с просьбой пересест от окна, то обернется в машине и попытается накинуть на Валерию ремень безопасности. Фамильярность, с которой этот туповатый и наглый парень обращался с Лерой, нарочитое игнорирование рядом с ней спутника раздражали Сашу. Но в целом никого и ничего, кроме Леры, молодой человек не замечал. Не тронули его в этот раз красоты старинного города, равнодушен он оказался и к увеселительным мероприятиям. Валерия – вот что занимало его больше всего. Она оказалась интересна не только своей экзотической внешностью – незаурядность ее оценок, точность в наблюдениях, а главное, сплав мальчишеской порывистости и девчоночьей застенчивости поразили искушенного Сашку более всего.

Неделя в Лондоне пролетела, как один сказочный день. На родину Александр возвращался вместе с боссом. Был выполнен практически весь задуманный объем работы, подписаны новые контракты с поставщиками, согласованы будущие сделки. Довольные сделанным, Сашка и Даниель Валерьевич лениво перекидывались словами. Но Александру хотелось уединения – образ Валерии все время был перед его глазами, и хотелось предаться воспоминаниям о чудесной девушке. Но Даниель Валерьевич вдруг выправил спину и изменившимся голосом, более бодрым и серьезным, чем до этого, произнес:

– Я заметил, что Лерочка тебе приглянулась.

– В такую девушку сложно не влюбиться, – ответил Саша.

– Ты ей тоже понравился, я не возражаю против ваших отношений. – Даниель Валерьевич сделал жест стюардессе, и та скрылась за шторкой мини-кухни. – Валерии исполнился двадцать один год, и у вас, по восточному календарю, хорошая разница – тринадцать лет. – Стюардесса подкатила столик с напитками и закусками. – Мне виски, деточка. Ты, Саша, подумай.

Саша в задумчивости отвернулся от босса.

«О чем я должен думать? Что он от меня хочет? Неужели подталкивает к продолжению отношений?» Ответа Александр не знал.

Когда Лера прилетела в Москву, встречи продолжились. Ужинали в ресторанах Даниеля Валерьевича, в выходные ходили на кинопремьеры, отмечающиеся в России с западным шиком, посещали дефиле модных кутюрье и участвовали в благотворительных акциях, проводимых в крупнейших музеях и галереях. Удивляло Сашку то, что Даниель Валерьевич совершенно не загружал его работой, но деньги выплачивал регулярно. Валерия же вела свою собственную женскую игру. Она то прижималась к Александру во время танца в ресторане, то демонстрировала отстраненность на светских тусовках. Ее поведение было непредсказуемым. Она могла купить картину за немислимые деньги и тут же пожертвовать ее детскому дому. Однажды дала пощечину банкиру, не купившему ни одного рисунка детей-инвалидов. А при покупке очередного платья модного кутюрье торговалась с азартом одесситки, пришедшей на Привоз с последним рублем. Немного раздражали и вызывали недоумение перепады настроения Леры. От безразличия до раздражительности, от энергичности, граничащей с сумасшедшинкой, до сомнамбулического покоя. То она спала до двух часов дня, то звонила в пять утра и требовала отвезти ее на аэродром, где стоял спортивный самолет отца, чтобы полетать над аэродромом в Тушине и прыгнуть с парашютом, попав в обозначенную цель.

В двадцать один год Лера, как все женщины азиатского региона, выглядела моложе своих лет, и иногда в магазине ей отказывали в продаже сигарет и алкоголя.

– Как же ты приобретала их раньше? – недоумевал Саша, в очередной раз расплачиваясь в дорогой табачной лавке.

– Дмитрий, мой охранник, покупал, – пояснила Лера. – Но ты же заявил папе, что не терпишь его у нас за спиной.

Внутренняя свобода на грани бесшабашности, экзотическая внешность, прекрасный вкус в одежде и еде и, что немаловажно, предполагаемое миллионное наследство Валерии вскрыли голову Александра настолько, что он окончательно потерял разум. Отсутствие секса с желанной девушкой усугубляло возбуждение парня.

Глядя на хрупкую Леру, Сашка понимал, что девушка бесится от того, что у нее нет гормонального выплеска, наличие регулярного секса после свадьбы, возможно, сведет на нет девичью «безбашенность». Душевное равновесие хорошо для семейной жизни, но вдруг убавит интерес к ней как к женщине? Хотя если воспитать в ней мастерство любви под свой вкус...

Он сделал предложение руки и сердца в классическом варианте. Сначала спросил Леру. Она взяла три дня на раздумье. После ее звонка, когда она дала согласие на брак, Александр выскочил из дома, на ходу продумывая, какое купить кольцо и какие цветы выбрать для букета.

– Ты хоть бы познакомил меня для начала со своей китайкой! – крикнула вдогонку бабушка.

– Она кореянка наполовину! – прокричал Саша, бегом спускаясь по лестнице, не желая дожидаться медлительного лифта.

В этот же день Александр попросил о встрече Даниеля Валерьевича. Несмотря на то что босс не знал о цели визита, принял своего партнера в парадном костюме. Когда Сашка попросил у него руки дочери, Даниель просиял. Было видно, что намерения молодого человека были ожидаемы и приятны шефу. Лера оценила красоту бриллиантового кольца, восхитилась букетом из кремовых роз и флердоранжа. Торжественность обстановки, ритуальность действовали на нее благотворно: она чинно вела себя рядом с отцом и новоиспеченным женихом. Под вечер Лера отозвала жениха в сторону. Тихо, но твердо попросила его не торопить события –

отложить интимные отношения до свадьбы. Сашка даже умилился ее желанию стать женщиной только совместно с любимым мужчиной. Ему так надоели доступные в первое же свидание женщины. Свадьбу решили играть через три месяца.

При знакомстве бабушке Валерия не понравилась.

– Ой, дурят тебя, мой мальчик, – непривычно для внука по-бабьи запричитала Ольга Юрьевна. – Только не знаю пока, в чем. Наигранная радость у невесты, поверь мне! Я столько людей на своем веку повидала – могу отличить искренность от искусства.

– Ты преувеличиваешь, ба! В тебе женская ревность клокочет, да?

– Дурак ты, Сашка, хоть и взрослый уже кобель! Не беременна ли твоя невеста?

– Ну что ты, бабушка! Я же порядочный человек!

– Ты-то порядочный, а вот барышня твоя... не знаю. На свадьбу не приду – скажусь больной. Не обижайся!

Родители Саши не могли прилететь в Москву: папа недомогал, а мама не хотела оставлять его одного.

– Ты женись, Сашок. Потом приедете к нам во Владик. Жена – это навсегда или очень надолго. Мы подождем встречи.

На торжество были приглашены деловые партнеры Даниеля Валерьевича и друзья Александра – Володя и Гриша. Гриша отказался – не смог взять отпуск. А вот Володя к этому времени уже давно находился с Дорочкой в Москве.

Просматривая список приглашенных на свадьбу, Саша с неприятным удивлением отметил не меньше пятнадцати имен крупных наркодилеров, с которыми как бы боролся будущий тесть.

Но отступать было поздно.

Свадьбу решили сделать в самом роскошном казино, принадлежавшем Даниелю Валерьевичу.

После регистрации в Грибоедовском загсе, где были только самые близкие люди, Ольга Юрьевна сразу же уехала домой, сославшись на давление.

В ресторане новоарбатского казино триста гостей выглядели соответственно помпезной обстановке: мужчины в черных фраках с бабочками и драгоценными запонками, женщины в длинных вечерних платьях, увешанные дорогими украшениями. Лера была изысканнее всех: длинное платье подчеркивало высокую грудь, в декольте блистало ожерелье из сорока семи бриллиантов. Темные волосы были забраны в греческую прическу, выгодно оттеняющую диадему, в центре которой гармонично смотрелась живая орхидея. Бриллиантовый браслет на правой руке был тоже в виде орхидеи, таким же было крупное кольцо на левой руке.

В числе гостей Александр с возмущением заметил телохранителя Леры, Дмитрия. Тот с особенной чувственностью поцеловал руку Валерии, когда она принимала поздравления.

Через полчаса изысканного, немыслимо дорогого застолья молодых вызвали на «королевский» парный танец. Все с восхищением смотрели на молодоженов. Да и сами они не могли насмотреться друг на друга. «Никто мне не нужен, кроме Леры! Только она смогла сделать меня счастливым, – такие мысли вертелись в голове у Сашки. – Но счастлива ли со мною она? Почему закусила ноготок на мизинце?»

После танца, посадив немного запыхавшуюся Леру в центральное кресло за столом, Саша устроился рядом и наклонился к Володе, сидевшему возле него.

– Как тебе моя девочка?

– Хороша, чертовка! А ты чего скрывал, что невеста беременна? – пьяно-весело спросил друг.

Сначала Саша не понял, о чем говорит Вовка. Но вдруг до него дошел смысл сказанного. Он со страхом опустил глаза на талию Леры. «Не может быть! Да нет, друг что-то перепутал. Но вот и бабушка тогда почему-то об этом речь завела...» – подумал он и нарочито хмыкнул.

– Все успели, Володя, все, что смогли.

Остальные часы торжества для Александра прошли как в тумане. И заздравные тосты, и коллективные танцы гостей, и «горячее» из мраморной китайской свинины и двухметровых осетров, и фейерверк на Арбате, и даже слюнявые лобызанья пьяненького Даниила Валерьевича.

Молодожены уехали со свадьбы раньше всех – Лера плохо себя почувствовала. Первую брачную ночь они должны были провести в загородном доме тестя.

В спальне Александр устало сел на край супружеской кровати. Посмотрев на жену, он с сарказмом спросил:

– Ты как, любимая? Тяжело, наверное, было?

– Еле живая. – Лера села рядом и нежно обняла новоиспеченного мужа. – Помоги мне снять платье, не могу двигаться от усталости. Трудный день.

С дрожью в руках Саша расстегнул замок на тонкой высокой шее, и платье упало к ногам Валерии. Когда жена обернулась к нему, мужчина увидел выпуклый животик.

– Лера... – Сашка сглотнул комок разочарования. – Что это?

– Я беременна, – спокойно заявила Лера. – Прости, не от тебя...

Пересев с кровати в кресло, Саша снял галстук, расстегнул ворот рубашки и начал хохотать, закрыв лицо руками.

– Ты чего? – не поняла веселья мужа Лера.

– Я, – он трясся от смеха. – Я, такой опытный в женском вопросе, дожил холостяком почти до тридцати шести лет и женился на беременной девственнице!

Он вытирал слезы и не мог отдышаться.

– Да, нехорошо. А я думала, ты знаешь. – И Лера мелкими шажками ушла в ванную.

В эту ночь Александр не прикоснулся к жене, спал в гостиной.

Зато после празднования «второго дня», когда в дом тестя съехались пятьдесят вчерашних гостей, Александр настолько сильно выпил, что Лера легко смогла овладеть им. Секс был страстным и изумительным.

– Бабушка! – кричал утром в телефонную трубку после состоявшейся брачной ночи Сашка. – Думаю, у нас скоро будет ребенок!

– Господи, – вздыхала Ольга Юрьевна. – И ты такой же слабый на х... мужик, как и все кобели. Только не навязывай мне этого ребенка, я же знаю, что он не наш...

Сашка решил скрыть ото всех свой позор. И позор Леры. Не будь страстной ночи, потрясшей опытного и искушенного мужчину, вряд ли он потерпел бы предательство и вероломство супруги. Александр решил во всем разобраться, не принимать скоропалительных решений, а для этого нужно было время. Пусть пока все думают, что беременность от него. Да и слишком оглушительным стало для него известие, слишком парадоксальным – поведение Валерии. «Ну не могу я ее сейчас бросить! Сам себя на посмешище выставляю! Не могу я свернуть с рельсов!» – такие мысли обуревали Александра, когда он отрешался от воспоминаний о любовных ласках своей жены.

Чей ребенок, от кого залетела новоиспеченная супруга – эти вопросы мучили Сашку, и он страдал от противоречий, терзавших его душу. С одной стороны, ему хотелось знать, кто отец будущего ребенка Валерии, с другой стороны, ему было страшно, что это знание не облегчит его участи, а лишь усложнит. Обманутый супруг боялся очередного обмана. Поэтому решил не торопиться с поисками ответа на свой вопрос.

Конец идиллии

Гриша не приехал на свадьбу Сашка, потому что ехать на два дня не имело смысла – перелеты бы заняли сутки, а освободиться на большее время не позволяла работа и семейная обстановка.

Два года назад все окончательно обрушилось в семье Григория. С Идой отношения разладились окончательно. Одних трудности объединяют, делают сплоченнее. Других, наоборот, разъединяют. Некоторым тяготы переживать в одиночку легче. Ида принадлежала ко второй категории людей. Она занималась только собой, забывая о девочках. Мария Леонидовна выбивалась из сил. В ее возрасте стало тяжело убирать четырехкомнатную квартиру, которую Григорий смог взять в кредит пару лет назад. На маме также лежала обязанность готовить обеды и ужины. Не видя поддержки со стороны невестки, Мария стала много плакать, особенно после того, как девочки повзрослели и стали меньше бывать дома.

Когда ему позвонил Володя, то на вопрос: «Как дела?» – Гриша ответил: «Полная изжога».

Однажды он услышал разговор медсестер в больнице, где теперь работал вместе с Идой. Девушки шушукались в своей комнате, попивая кофе.

– А ты видела, жена Гриши-энтеролога крутит с санитаром, с Ароном?

– Глупости, как можно поменять доктора на санитаря, тем более что Гриша – красавец и у них двое детей?

От услышанной сплетни в голове Гриши произошел взрыв, он, слава богу, не привел к инсульту, но отозвался в сердце. Необходимо было немедленно разобраться в унизительной ситуации. Гриша поменял график дежурств и утром сделал вид, что ушел на работу, а сам через час вернулся. Войдя в спальню, увидел классическую картину супружеской измены. На широкой кровати его милая пышная Ида, оседлав двадцатипятилетнего здоровячка Арона, под сопровождение музыки, звучащей из включенного телевизора, мерно скакала. Она обернулась на звук открывшейся двери и не сразу осознала, что на нее смотрит муж.

Гриша повернулся и ушел, не произнеся ни слова. Сильная изжога скрутила его желудок.

Григорий позвонил матери и предупредил, что будет отсутствовать два дня. Он поехал к морю. Гриша сидел на его теплом берегу и мечтал о бухте Золотого Рога, где вода была холоднее, жестче пахло морской солью.

Развелся Гриша без скандалов. Собрал чемодан и переехал в съемную квартиру. Мама стала жить вместе с ним. Девочки в первые дни были счастливы, что над ними нет постоянного контроля, но через неделю поняли, как сложно жить в доме, где никто за ними не убирает, никто не готовит обеды и ужины, не перестилает постель и даже не моет посуду. Через месяц девочки больше проводили время рядом с бабушкой, чем с матерью.

От Арона Ида забеременела и стала еще невыносимее. На работе ее попросили взять больничный, дабы не портить настроение сослуживцам и пациентам.

Гриша решил забрать девочек к себе. Купил новую квартиру рядом с квартирой Иды, чтобы дети могли видеться с мамой. Бывшая жена родила мальчика. Ее любовник не развелся, а вернулся к жене.

Без помощи Марии Леонидовны Ида совершенно опустилась. Два раза навестив бывшую невестку, Мария по собственному желанию стала приходить к ней через день и помогать по хозяйству. Мальчика Ида назвала Григорием, и это примирило двух женщин.

Узнав о бедственном положении дочери, Борис Львович продал в своем колхозе мельницу, которую вовремя «прихватизировал», и отослал деньги своей девочке. Помощь пришла вовремя – Ида забыла заплатить за квартиру за полгода и ее собирались выселить.

Прыжок

После свадьбы прошла неделя. Однажды утром Саша спустился со второго этажа загородного дома тестя в кухню и неприятно удивился, увидев, что его жена и телохранитель Дмитрий вместе пьют кофе.

– Что ты делаешь в моем доме? – резко спросил он.

– Это дом Даниеля Валерьевича, – невозмутимо ответил Дмитрий. – Я привез вам официальное разрешение на пролет частного самолета до Тенерифе.

– Надеюсь, ты не будешь нас сопровождать в свадебном путешествии? – Саша остановился около стола и пристально посмотрел на Дмитрия.

– Не буду. – Встав, Дмитрий поклонился Валерии. – До свидания.

Выйдя из кухни, он долго возился в коридоре, переобувая тапочки на туфли. От двери до въездных ворот шел медленно, втянув в плечи голову.

– Не понял, – Саша обернулся к Валерии. – Почему он чувствует себя здесь как дома? Не он ли отец ребенка?

Резко отставив чашку с кофе, Валерия изменилась в лице.

– Давай не обсуждать больше эту тему, Саша. Отец – ты, и все!

– Я уже согласился признать ребенка. Но не хочу воспитывать отпрыска Дмитрия.

Встав, Валерия провела ладонью по щеке Саши.

– Милый, я не рассказывала тебе, чтобы не травмировать. Был один студент в Англии, мы вместе учились. Между нами случился секс. Ни к чему не обязывающий. Мне казалось, что все условия для предохранения от беременности были соблюдены. Ан нет! – Валерия ненадолго замолчала. – Мне нельзя делать аборт. Моя бабушка смогла родить только одного ребенка, и то через кесарево сечение, мама умерла во время родов. Отец в ее смерти винит себя. Он только-только начинал свой бизнес в Москве и дома почти не бывал. Когда отошли воды, мама была дома одна, «Скорую» вызывать не торопилась, но вдруг началось сильное кровотечение. Врачи приехали поздно: я родилась, но маму спасти не удалось. И мне доктора не разрешили делать аборт. Кстати, у нас будет мальчик, я сделала УЗИ еще в Англии. – Лера погладила свой живот, а потом резко перевела взгляд на супруга. – Саша, давай больше не будем об этом говорить. В конце концов, ты стал моим мужем и зятем миллионера. Это многого стоит.

– Ладно, мальчик так мальчик. – Саша обнял Валерию. – Мы воспитаем его хорошим человеком.

На душе Александра стало немного светлей. «Ну, англичанин так англичанин. Ревновать к нему глупо – я его никогда не видел и вряд ли увижу. Вот ведь как получается: родной отец никогда не узнает о том, что у него есть ребенок, я, возможно, буду страдать оттого, что мальчик не мой сын, а вот женщине хоть бы хны – будет растить дитя, невзирая на отцовство!» – подумал про себя Сашка.

Его размышления были прерваны Валерией.

– Ты не передумал прыгать с парашюта в океан? – сказала и задумалась, закусив ноготок.

– Конечно, нет. Есть возможность использовать самолет твоего отца, а я должен отказываться? Ни за что! – Поцеловав жену, Саша включил чайник. – Съезжу на пару часов на работу, а ты начинай собираться, хотя не думаю, что нам нужно много вещей. Тебе расклешенный сарафан для беременных, а мне шорты, футболку и парашют.

По дороге на работу Саша позвонил из автомобиля бабушке, сообщил, что улетает. Пообещал, что заедет, расскажет поподробнее о путешествии, покажет Тенерифе на карте. После этого позвонил Володе.

– Вовчик, я убываю в свадебное путешествие. Даниель Валерьевич разрешил пользоваться своим самолетом весь месяц. Напрыгаюсь от души.

– Это здорово! Хорошо водить дружбу с богатыми людьми. Кстати, на твоей свадьбе я нашел спонсора для операционной в нашей больнице. Теперь вытаску Гришку в Россию, а то он с ума сходит в своем Израиле.

– Классно, что вы будете в одном деле. Вернусь, присоединюсь к вам как менеджер, а то надоело мне смотреть на рожи игроков. Хочется заниматься достойным делом.

– Отлично! – радостно прокричал в трубку Володя. – Как твоя красавица жена?

– Беременность протекает нормально, – сдержанно ответил Саша. – Полсрока позади, полсрока впереди.

– Сашка, ты же никогда не был таким скрытным! Чего молчал? Хотя детей давно было пора завести. Моей Дорочке уже четырнадцать, у Гришки девочки уже подростки. А ты только сейчас созрел. Ну, не буду тебя отвлекать. Счастливого полета!

Синяя гладь моря качалась в иллюминаторе. «Как солнечно», – подумал Саша, надевая парашют. За его действиями наблюдали два пилота, стюардесса и любимая жена. Прежде чем открыть дверь самолета, Саша обернулся к Лере.

– Поцелуй меня на удачу.

– Обязательно. Держи коньяк, он расслабляет. – Женщина подала Саше бокал и, встав на цыпочки, поцеловала мужа в губы.

Отодвинув от себя бокал, Саша взялся за рычаг самолетной двери и открыл ее.

– В воздухе, Лера, сухой закон. Ну, до встречи на суше.

Выпрыгнув, он полетел вниз, намереваясь приземлиться рядом с небольшим островком, куда за ним через два часа должен был бы приплыть катер.

Лера наблюдала за мужем с тревогой. Парашют раскрылся вовремя, но тут же стал разрываться, затем свернулся, и Саша камнем полетел вниз, в океан.

Прислонившись к иллюминатору, Лера тонко закричала, видя, как муж уходит под воду.

Тут же отодвинулась штора, отделяющая помещение для стюардессы, но вместо нее показался Дмитрий.

– Ну что, утонул? – спросил он шепотом.

– Да. – Лера начала плакать. – Зря ты распорол его парашют.

– Только не говори, что стала привыкать к нелюбимому мужу. – Дотянувшись рукой до столика, Дмитрий взял бокал и допил коньяк Саши, и это очень не понравилось Лере. – Теперь мы можем быть вместе всегда.

– Только не в России. Отец тебя ненавидит. – Женщина вытирала слезу и старалась успокоиться.

– Еще бы, я ведь знаю, откуда у него основные деньги. Сам перевозил наркотики. Перестань плакать, а то перепугаешь команду, и они поднимут тревогу.

Через три дня бабушка позвонила Володе.

– Тебе Сашенька звонил?

– Нет, Ольга Юрьевна. У них же с Лерой медовый месяц, им не до нас.

Через неделю начал волноваться и Володя. Он позвонил Даниелю Валерьевичу, чтобы выяснить, но тот сказал, что у молодых все в порядке, они звонили ему с Тенерифе.

Через месяц Владимиру позвонила мама Саши.

– Вова, у нас несчастье, Костя умер. Я не могу дозвониться до Саши, ему нужно прилететь на похороны, а ни один телефон не отвечает. Где он? Мама тоже беспокоится, но стесняется тебе звонить.

– Какие могут быть стеснения? Я постараюсь его найти.

Приехав в коттеджный поселок, где Саша и Лера жили несколько дней после свадьбы, Володя с изумлением узнал, что вилла Даниеля Валерьевича продана, а сам он переехал по неизвестному адресу.

В казино на Арбате Владимир прошел к управляющему.

– Даниель Валерьевич за границей, – ответил ему молодой мужчина с бегающими глазами. – У них в семье несчастье, зять погиб. Неудачно прыгнул с парашютом. У Леры нервный срыв, и она лежит на сохранении в роддоме в Англии.

– Странно, – только и смог произнести Владимир после того, как осознал поразительную новость. Немного помолчав, Вовка все-таки озвучил вопрос: – Почему не сообщили мне или бабушке? Странно. А когда были похороны?

– Не было. – Кругленький управляющий то поправлял бумаги, лежащие на столе, то зачем-то теребил компьютерную мышку. – Тело не нашли. Официально он считается пропавшим без вести.

– Уже легче. А как мне узнать, где произошло несчастье? Как связаться с Даниелем Валерьевичем.

– А никак. Он сам, когда ему надо, звонит. Связь односторонняя.

Поняв, что от управляющего с глазами жулика он ничего не добьется, Владимир поехал в госпиталь Бурденко сообщить страшное известие Ольге Юрьевне.

– Я чувствовала, – после того как немного пришла в себя после удара, прошептала бабушка Саша. Она стучала жилистым кулачком по столу и повторяла: – Не нравилась мне эта семейка миллионеров. Наживались на горестях людей. А на чужом несчастье счастья не построишь! Этой мудрости тысячи лет, и я Сашка предупреждала! Но знаешь что?.. – Ольга Юрьевна замерла и как будто прислушалась к себе. – Он жив. Может, память потерял, может, нарочно скрывается. Но он жив. Я бы его гибель обязательно почувствовала.

– Во Владивосток полетите?

– На похороны, что ли? – Женщина посмотрела на Владимира мутными от слез глазами. – Я своего зятя видела только на свадьбе, на Новый год, когда вы втроем траванулись, и на фотокарточках. Он был хорошим мужем, но средним отцом, наверное, потому, что из детского дома и не видел семейных отношений. Нет, я не поеду. А Гриша знает о Сашке?

– Нет. Сейчас позвоню. – Володя стал набирать на своем мобильном номер и одновременно положил на стол конверт.

– Это что, деньги? – поинтересовалась Ольга Юрьевна.

– Да. Я знаю, что у вас очень дорогая квартира и вы ездите на работу на такси, Сашка рассказывал. Вашей зарплаты не хватает.

– Ну что ты, Володенька, зачем! Тебе самому они нужны – Дорочке ведь особый уход требуется!

– Не спорьте со мной, Ольга Юрьевна, пожалуйста. Возьмите. О Доре не беспокойтесь. Все, что ей необходимо, она имеет, – сказал Владимир и дал отбой на телефоне – номер Гриши не отвечал.

– Не могу я, Вова, взять. На что мне они?! Без Сашки мне жизни нет!

– Возьмите!

Женщина смахнула конверт в ящик стола.

– Володя! У меня же осталась карта! Сашка ее прямо тут составлял, чтобы представить на разрешение пролета их частного самолета. Может, пригодится?

– Пригодится, Ольга Юрьевна, обязательно пригодится.

Вечером из своего дома Володя позвонил Грише.

- Сашка пропал.
- Как пропал? – Григорий жевал пирожок с капустой. – Где?
- Как в воду канул на Канарских островах, недалеко от Тенерифе. Тесть и жена его заочно похоронили, а бабушка верит, что он жив.
- Что ты предлагаешь? Искать? А почему семья не шевелится? Похоронили и забыли?
- Знаешь, все не так просто. На свадьбе я спросил Сашку, почему он скрывал, что невеста беременна. И мне показалось, что он сам не знал... В общем, сам я занят, стал главврачом в своем отделении и искать не смогу. Но думаю, что этим должен заниматься профессионал.
- Правильно. Найдем частного сыщика. Я оплачу половину расходов.

Через неделю домой к Володе приехал нанятый детектив – веселый мужчина пятидесяти лет. Он с гордостью за проделанную работу передал папку заказчику и с не меньшим удовольствием взял деньги.

– Ну че, я полетел на Канары! Кому скажи – не поверят! Во работка! А то запарился я жен да мужей с голыми задами фотографировать. Здесь хоть настоящее расследование!

После ухода здоровяка-детектива Владимир попросил Дору его не беспокоить и ушел к себе в спальню.

В папке было два досье.

«Даниель Валерьевич Зильберштейн – шестьдесят четыре года. Бывший номенклатурный работник в отделе культуры Моссовета. Привлекался к суду по делу взяточников, но оправдан, после падения СССР приватизировал несколько зданий, в том числе две библиотеки и помещение на Арбате. В помещениях открыл казино. Официальный миллионер. Привлекался по делу о наркотиках, был оправдан. Жена – Соня Пак – умерла при родах. Объект больше не женился. Есть ребенок – дочь Валерия. Замужем, имеет тройное подданство: Россия, Южная Корея, Англия.

Есть уверенность, что казино связаны с наркобизнесом. Два года назад дочери поставили диагноз – наркотическое отравление. Ей был нанят телохранитель. С ним она и была отправлена на учебу в Англию, чтобы вырвать из среды наркозависимых друзей».

Второе досье проливало свет на телохранителя Валерии.

«Телохранитель – Дмитрий Борисович Шорохов. Майор запаса, бывший эмвэдэшник, сорок лет, детей нет... Был уволен из рядов милиции после ареста при рейде по отлову наркодилеров в казино на Новом Арбате. Был оправдан».

Причуды судьбы

Малыш сильно толкнул под ребро Валерию, и девушка отвлеклась от страшных мыслей. Она лежала в госпитале на сохранении, старалась не нервничать – читала сентиментальные романы и смотрела телевизор.

Два месяца назад прилетев на Тенерифе, она позвонила папе, сказала, что у нее проблемы – пропал Саша, – и попросила срочно помощи.

Выслушав версию, которую ему изложили Дмитрий с Валерией, суть которой сводилась к тому, что у Саши разорвался бракованный парашют, Даниель Валерьевич поморщился и приказал:

– Ты, Лера, едешь в Лондон, а ты, Дима, – в Израиль. И чтобы я больше тебя никогда не видел возле моей семьи. Иначе – убью. Терплю твое присутствие на земле только из-за дочери. Ты совсем обнаглел. Думаешь, я не понимаю, что произошло на самом деле?

Выполняя пожелание Даниеля Валерьевича, Дмитрий стал начальником охраны в одном из его игорных домов в Хайфе и даже женился на сотруднице казино. Неожиданно для себя он понял, что по-настоящему любит Валерию. Жена надоела через месяц совместной жизни. Она была очень хозяйственной, верной и скучной. Тоска по Валерии мешала Дмитрию жить счастливо, тем более что он знал о рождении сына. Дмитрий начал много пить.

За полгода он довел себя до язвы, мучающей его страшной изжогой. Он обратился к семейному доктору, и тот направил его к русскому гастроэнтерологу Григорию Степанцову.

Круг общения у Гриши был обширным, а вот Дмитрий в Израиле скучал. С начальником охраны мало кто хотел поговорить по душам.

Сильно выпив, Дима прибыл на прием к Григорию. Морщась от перегара пациента, предложил ему зайти в другой раз. Но Дмитрий, соскучившийся по соотечественникам, желал поговорить по-русски.

– Слышь, Гриша. А давай завалимся ко мне на работу? У нас отличный ресторан и даже есть свинина в меню. Поехали, попробуешь ребрышки в красном вине. За мой счет. Шеф, Даниель Валерьевич, специально завел славянскую кухню, чтобы привлекать в наше казино русских толстосумов.

До этого Григорий обдумывал, как бы повежливее отказать пьяному пациенту, но имя шефа Дмитрия заставило его согласиться на предложение.

– Хорошо, но ты, в свою очередь, не платишь мне за обследование, чтобы я не чувствовал себя должником.

– Базара нет! – обрадовался Дмитрий. – Хочется поболтать с нормальным мужиком. Поехали!

Целую неделю Гриша ездил ужинать в казино. Мама обижалась – готовила она лучше, чем в любом ресторане, но сын отговаривался тем, что пациент ему нужен в расследовании пропажи Сашки, и Мария Леонидовна скормливала ужины внукам, Иде и ее сыну.

Ровно через неделю, в субботу, когда жизнь в Израиле замирает, отмечая Шаббат, Гриша и Дима сидели в пустом казино, пили водку и ели блинчики с красной икрой. Начальник охраны был особенно пьян и, похлопывая Гришу по плечам, разоткровенничался.

– Как же я его ненавидел, этого Сашку. Весь такой умный, порядочный, аж тошнит. Спал с Лерочкой, и даже мой сын носит его фамилию. Очень я хотел его самолично прирезать! Лера не разрешила. Я так скучаю по ней. Господи, ну почему я вынужден слушаться Даниеля!

Пьяно расплакавшись, Дима сморкнулся в бумажную салфетку и щелкнул пальцами, подзывая официанта.

– Еще по пятьдесят.

– Дима, – Григорий встал из-за стола. – Извини, мне срочно нужно в больницу. А тебя жду у себя в кабинете в понедельник совершенно трезвым.

Операция

По дороге домой Гриша набрал телефон Володи.

– Ты представляешь, мой пациент, ну, помнишь, я его назвал алкоголиком, – тот самый телохранитель, который не нравился Сашке! Я ему через три дня делаю гастроскопию. Совершенно не хочется лечить эту сволочь. Он сегодня признался, что хотел убить Сашку. Хочу добавить ему морфия в наркоз и поподробнее порасспрашивать. Как тебе моя идея?

– Непусти его, Гришаня! – Голос Володи был очень серьезен. – А это не опасно для тебя? Лицензии не лишат?

– А кто заподозрит? – Гриша въехал на стоянку перед своим домом. – Прошло полгода, а мы до сих пор не можем найти место, где пропал Сашка. Надо поторопить детектива.

После гастроскопии, прошедшей под наркозом с морфием, Гриша сел рядом с постелью Дмитрия.

– Помнишь, ты говорил о Саше Бочкине, муже твоей любимой Леры. Что ты с ним сделал?

– Выбросил! Парашют пропорол и смотрел, как он рвется. Высота была метров двести, не загуляешь.

– А где это было?

– А есть там такой островок, в десяти километрах от Тенерифе. Вот почти туда он и шмякнулся. Эй! – Дмитрий неожиданно открыл глаза. – Слышь, Гриша, а чего, обследование уже прошло?

– Да. – Григорий похлопал по руке Дмитрия. – У тебя язва желудка. Срочно нужна операция, а то может быть прободение.

– Не люблю я медицинские операции. – Дмитрий даже натянул до подбородка одеяло, как бы защищаясь. – Это опасно?

– Даже удаление аппендицита может быть опасно. Придется потерпеть. – Григорий встал и вышел из палаты.

Нарушив запрет Даниеля Валерьевича, Дмитрий позвонил Валерии.

– У меня операция через три дня. Я так хочу тебя увидеть! И сына!

Валерия родила. Сына назвала Александром, чтобы Даниель был уверен в том, что дочь скорбит по погибшему мужу. Из Лондона они недавно переехали в новую квартиру в Москве.

После разговора с Дмитрием Валерия отложила телефон и прошла в кабинет отца.

– Папа, ты ведь наполовину еврей, а я – на четверть. Хочу увидеть Израиль.

– Любая другая страна, – сказал Даниель Валерьевич, не отрываясь от монитора компьютера.

– Не, папа! У Сашеньки диатез, а лучшее средство в мире от золотухи – это воды Мертвого моря! И вообще, почему ты меня держишь взаперти? Надоела мне эта зимняя Москва. Хочу позагорать.

Против интересов внука Даниель возражать не мог.

– Ладно, закажу вам билеты! – Овернувшись на дочь, Даниель Валерьевич погрозил ей пальцем. – Но чтобы без глупостей. Не нужен тебе Дима, он дурак, причем с криминальным уклоном.

Когда Валерия с малышом прилетела в Израиль, их встретило жгучее солнце. Уже спускаясь по трапу самолета, Лера почувствовала, что она словно зашла в разогретую сауну.

Горячий воздух обжигал дыхание, и маленький Саша сразу начал плакать и не успокаивался, пока не оказался в номере гостиницы, где работали кондиционеры.

Вечером приехал Дима. Он был бледный, и даже плечи у него поникли. Валерия вдруг ощутила, что не чувствует прежнего притяжения к этому мужчине. Полугодовалый малыш отталкивал незнакомого дядьку, капризничал и в конце концов закатил истерику.

Когда Лера успокоила ребенка и уложила его спать, бывшие любовники остались наедине. Дима приоткрыл балконную дверь, и с моря потянуло ароматом соли. Мужчина, нежно обняв Валерию, начал ее раздевать.

Страсть не вспыхнула – мешало ощущение напряженности и скованности. Валерия разочарованно накинула халат и неожиданно даже для себя сказала:

– Не оставайся на ночь. Не удивлюсь, если отец послал кого-нибудь следить за мной, не будем рисковать.

Дима разочарованно оделся, поцеловал Валерию и уехал из гостиницы.

Валерия долго стояла на балконе и, не отрывая глаз, смотрела на море. Шум волн успокаивал и уносил туманные образы в прошлое. Дима ей больше не нужен.

– Как жаль, что родителей мы слушаем слишком поздно! Он же пустой, как... как... – она не находила слов, – как пустой бочонок! – с горечью вздохнула Валерия. – Лучше бы я осталась с Сашей.

Утром Диму готовили к операции.

Григорий нервничал. Мысли о Саше, о «клятве Гиппократ» смешались. Полагаясь на случай, врач нашел для себя спасительную формулировку: «Будь что будет!»

Все шло по плану: наркоз, разрез. Нашли язву, иссекли больное место и наложили швы.

Григорию очень хотелось надсечь гастральную артерию, снабжающую кровью желудок, но врачебная этика взяла свое, и он наложил швы.

– Все. Операция закончена, – сказал он анестезиологу. – Выводи из наркоза.

После операции Дима, едва выйдя из-под наркоза, почему-то отправился в туалет. Там он потерял сознание, и пока его нашли, пока опять положили на операционный стол, умер.

Патологоанатом констатировал внутреннее желудочное кровотечение. Анестезиолог винил себя в том, что дал неправильную порцию наркоза и у пациента «съехала крыша».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.